

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья¹

Часть V. КВИТЫ

Глава 1. TEMPORA MUTANTUR...

Из рапорта капитана Н.Н. Казагранди уполномоченному Сибирского правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобождённых районов Западной Сибири генерал-майору Г.А. Вержбицкому:

«Достаточно фронту отойти вперёд от захваченного пункта на несколько десятков вёрст, как жители этой местности, и в особенности так называемый торгово-промышленный класс, и, к сожалению, большая часть нашей интеллигенции, предаются спекуляции, разгулу и тому подобное. Совершенно забывают, что существует фронт, на обслуживание которого нужно отдать все силы».

«А с какого такого, простите, нервического удара мне надо встать во фронт и обслуживать кого-то или что-то? — скорее всего, желчно ответил бы честному офицеру не носитель высокого чина, которому адресовано донесение, а какой-нибудь держатель меховой лавки Тюлькин, скажем, Емельян Спиридонович. — Вон известный господин Вяткин, сидящий или состоящий при штабе Колчака, пишет во вчерашней газете — задорно, утверждающе пишет, что «...возрождение России стало делом близким, доступным». Как такому деятелю не верить? Ведь явно намекает на захваченный у советов в Казани расейский золотой запас. Поговаривают, будто целых два эшелона под охраной бронепоезда в Омск пригнали. Но, скорее всего, врут, подлецы, — гораздо больше их было, вагонов-то с сокровищами. Да имея такие деньжищи, не то что армию вооружить и купить всем генералам по аэроплану можно, но ещё и каждому жителю Сибири сапоги и тулупчик spravить, а баб ихних в душегреи на волчьем меху обрядить. Ай-я-яй, и как не совестно осыпать упрёками тех, кого большевики и так обездолили? Ценности реквизируют, дома опустошили, души бесовской верой испоганили. Куда измученному промышленному классу головушку свою прислонить? К стойке кабацкой, вестимо. На фронте-то чего ему делать? Ни стрелять-наступать, ни лошадь чтоб запрячь — не приспособлен он. Да и кашу в обозе для мужика варить — слыханное ли дело! Стало быть, стезя ему произначертана другая. Тем более, по уверениям Вяткина, воевать-то, в сущности, и не с кем: коммунары все сплошь недоумки и эти, как их там, скоморохи с преступными ушами — вдарим по ним раз, а второго и не надо будет, допрежь отвалятся. Вот же, читайте, читайте в последнем номере, господа, как, подпирая свои наблюдения не догадками, но фактами, рыцарь пера призывает нас, обывателей, убедиться в редкой и неизлечимой болезни, побившей ряды революционных босяков, именуемой в просторечье вывихом головного мозга. Иначе как объ-

¹ «Невский проспект» завершает публикацию историко-документально-художественного романа Виктора Зайкова «Стреляйтесь сами, Мазепа» с сюжетом на документальной основе и с историческими прототипами. Часть I «Казнь», часть II «Провал», часть III «Засада» и часть IV «Стихия» опубликованы в №1, №2, №13 и №15 НП, соответственно.

яснить, например, недавнюю тяжкую суровость их расправы над безвинными простолюдными Тарского уезда, слезинками божьими — Гринбергом хлебопашцем и Михайловым коневодом? Постановили «чумазые» вышеупомянутых мучеников лишить жизни. Как сказано уже было, ни за понюх табака. Уже сам по себе акт жестокий. Так нет, порешили ещё (видимо, для того, чтоб не убежали после казни ненароком) применить к ним антигуманную штуку — разрывные пули! Люди, будучи в здравом уме, разве на такое бы сподобились? А ещё летописец эпохи приводит «любопытный случай, происшедший в селе Тевриз». Там, оказывается, имелся памятник Александру Второму. Стоял себе император и стоял. Глядел вдаль державно, мёрз, никому не нужный, под дождями да метелями. Никто его не трогал. А тут саранча красная налетела. Комиссар походил вокруг то ли зодчества, то ли ваяния и распорядился сооружеенье... арестовать. Раз приказано, надо исполнять. Бюст сняли, свезли на каталажку под замок и часового приставили. Представляете, с какими пещерными ископаемыми дело имеем? Срамота одна босомыжная да и только».

Кстати, Казаранди, порицающий царящие в тылу нравы, был далеко не одинок. Министры верховного правителя получали (обсуждали или нет — неведомо), многие «сигналы», ну, например, письмо начальника Уральского края инженера Постникова. Чувствительное для чьих-то нервов письмо с негодующими нотками: «...военные власти от самых старших до самых младших распоряжаются в гражданских делах. Незаконномерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побеге», аресты по доносам, преследование по клевам. Мне неизвестно ещё ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном. Транспорт исключительно в руках военных, ни во что не считающих надобности населения...»

Интересно, а читал ли сие откровение наш маститый журналист? Скорее всего, вряд ли. Такое от прессы обычно прячут в тёмное чрево сейфов или используют для растопки каминов. Уж больно не красят подобные «мелочи» мужей государственных. А им ведь надо постоянно появляться на публике в белоснежных манишках и безупречных фраках, за атласными бортами которых прятать до времени другие убийственные перлы вроде «Закона о третьем снопе»¹.

Обошёл гражданский губернатор, из каких соображений — гадательно, ещё одну, весьма болезненную, тему мобилизации. А именно она порождала особо яростное недовольство поселян и вызывала зубную боль у той же контрразведки. От набора в победоносные полки, движимые Колчаком, бежали толпами. Скрывались в чащобах, бросая имущество и семьи. Сбивались в шайки и отряды. Поскольку хотели кушать, грабили обозы и нападали на малочисленные гарнизоны. И достать разбойников в тех болотинах не было никакой возможности.

Мазепа показал как-то Киселёву секретный документ — утверждённое военным министерством штатное расписание своего контрразведывательного отдела. В нём значились: начальник, его помощник, штаб-офицер для поручений, обер-офицер для поручений, делопроизводитель, архивариус, две машинистки, писарь. Всё!

Язвительно сморщил губы:

— Гурий Николаевич, возможно ли с таким войском противостоять сотням обозлённых мужиков, не желающих служить адмиралу?²

¹ Земельная революция, то есть повсеместный переход земли в крестьянское единоличное пользование, к 1919-му году являлась фактом свершившимся. Но землевладельцы с этим ну просто варварским, подлым, коварным и прочим ограблением себя, любимых, мириться не собирались. В самый разгар наступления белых армий на Москву, сельская буржуазия протащила в Особом совещании при главкомке так называемый закон «О третьем снопе», обязывающий крестьян отдавать бывшим помещикам в качестве компенсации за «передел» треть выращенного урожая. Антон Деникин — главнокомандующий вооружёнными силами юга России — впоследствии признал, что этот юридический акт и погубил (вкуче с другими ошибками) белое движение. Судите сами. Войска освободителей урются к «златоглавой», гремят победные фанфары. Однако, опережая их, черным бородатым козлом скачет по весям худая молва о новом законе, согласно которому помещику снова дали право драть с мужика товарную повинность. Как после такого можно было рассчитывать на помощь и радушие многомиллионной армии простолюдинов? Да никак! «Большевики-то землю без всяких выкупов отдают, а эти что делают»? Итог бездумного законотворчества хорошо известен — сначала отступление добровольцев, потом их полное поражение и драматический исход за русские пределы.

² Для сравнения — выдержка из «Дневников» генерал-лейтенанта барона Алексея Будберга, занимавшего в 1918-1919 годах пост управляющего военным министерством в администрации верховного правителя всея Руси: «Здесь контрразведка — это крупнейшее учреждение, пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охранки, ничтожное по производительной работе, но насквозь пропитанное худшими традициями прежних сыщиков, жандармов. Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение Родины, а под этим всем царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол».

Комендант недовольно поправил:

— Не адмиралу, а России. Вы, батенька, иронизируйте, но знайте меру. Оскорбление верховного «на словах» объявлено тяжелейшим преступлением и влечёт за собой тюремное заключение абсолютно для всех, кто был в этом уличён. Что касается уклонистов и дезертиров, то мы не меньше вашего озабочены этим мерзким явлением. Так называемые партизаны начинают представлять для нас всё более растущую угрозу. Мы вынуждены снимать с позиций некоторые части, формировать из них специальные команды для установления и поимки беглецов. Немало усилий потребовалось и для того, чтобы направить в окружающие селенья агитаторов с целью формирования у населения должного представления о политике нашего народного правительства. Люди обязаны понимать, что, отдавая своих братьев, сыновей, отцов в Сибирскую армию, они тем самым строят своё будущее.

Иринарх Гаврилович растерянно посмотрел на коллегу:

— Оскорбления Александра Васильевича я в своих словах не усматриваю. В остальном же полностью с вами согласен. Особенно одобряю пропагандистское предприятие, которое весьма и весьма своевременно, ибо в головах людей сегодня такой чертополох разросся, боюсь, что уже не вырвать, — и достал из портфеля бумагу. — Вот, изъяли на днях у одного мещанина в торговых рядах. Очень прелюбопытная прокламация. Не знаю, уж как, но дошла до нас аж из Енисейской губернии. В ней некий полный Георгиевский кавалер из крестьян, но выслуживший офицерский патент Щетинкин, по убеждениям явно не большевик, объявил, что «на Дальнем Востоке уже выступил великий князь Михаил Александрович, который назначил Ленина и Троцкого своими министрами, и атаман Семёнов к ним присоединился. Осталось только разбить Колчака».

Киселёв мрачно процедил:

— А что, учитывая местные особенности, очень даже грамотно составлено. Я бы сказал, определённо грамотно. Трепетную лань впрягли в повозку с ослом и мулом и нарядили эту чудо-тройку скакать воевать против тигры. Н-да-с. Вы оставьте мне эту шедевр, я покажу её генералу Редько. Пусть он узнает, какие университеты по обучению политграмоте работают в тылах его дивизии.

...Дни шли, и обстоятельства стали складываться для апологетов «единой и неделимой» очень и очень не в их пользу. Лавины фронтов покатались по былинным просторам России всё дальше от Москвы к окраинам бывшей империи. Боевые порядки освободителей редели. И причин тому было множество. Утомлять читателя их препарированием не будем. Отметим лишь одно — красные, увы, имели тотальное превосходство в людских резервах.

Земли за Уралом, как известно, хоть и необъятны в богатстве своём, да вот людшек на них прижилось... ой, маловато. Даже недавние и, надо сказать, дюжие старанья убиенного реформатора, избирательной памяти Петра Аркадьевича Столыпина мало чем помогли. Ну, теснятся ещё кой-какие городишки вдоль Великой магистрали, а отступишь от неё вёрст эдак на пятьдесят хоть вправо, хоть влево, и что? Кругом дебри непролазные, пузыри болотные едкую вонь источают, да рысьи глаза смертью глядят. А набредёшь если случайно на деревню какую, с виду вроде богатую, так из неё кормильцев-то мужеска полу вместе с лошадушками ещё в германскую повыдёргивали. А молодёжь подросшая больше девками интересуется, не Колчаком. И умирать за него — откель и взялся такой? — не желает.

Фронт требовал солдат. Крепких, с царём в голове. Победа была невозможна без полнокровных свежих дивизий. «Разверстать план дополнительных мобилизационных мероприятий и неукоснительно и повсеместно приступить к их исполнению!» — повелело начальство.

И поднялся бабий вой над хуторами и деревнями.

...Вломилась команда рекрутёров в один из дней и в дом Калетина. Оглядевшись и поцокав языком, неказистый, в летах уже немалых поручик скомандовал:

— Обойди-ка, Осташкин, этот клоповник и, кого найдёшь, сюда тащи.

Унтер пинком распахнул первую дверь. А за ней — фонарь «летучая мышь» под потолком освещает следы вселенского кутежа: стол, уставленный бутылками, рыбки хвосты с блюд мельхиоровых свисают, и офицер при ордене и жгутом аксельбантов на груди, покачиваясь, достаёт из кобуры револьвер. Сейчас пальнёт. Служивый попятился. Сунулся в другую комнату. И там тоже офицер сидит, только уже с барышней. Хохочут и обнимаются. На вошедшего даже не глянули. Осташкин дальше по коридору. Навстречу ему из-за угла вывернул высокий капитан со шрамом на лице.

— Ты кого здесь потерял, любезный? — спросил строго.

— Так мы при исполнении, ваше высокоблагородие. Разрешите продолжать?

— Что ты тут продолжать задумал? Род человеческий? Девоч свободных нет. При-

ходи завтра.

Унтер к начальнику команды бегом. Так, мол, и так, доложил, у господ здесь вроде дома свиданий, извольте сами убедиться. Поручик удивился, но для личного успокоения приоткрыл одну из дверей. Это было замечено. Из глубины «алькова» тут же донёсся голос:

— Тебе чего, унтерок, непременно по зубам получить желается? Так заходи, по случаю хорошего настроения, твоё испорчу с удовольствием.

Рекрутёр поспешно отшагнул. И вовремя. Послышался глухой удар о двери и звон битого стекла. Оскорблённый таким приёмом, незваный гость молча двинулся к выходу. Команда, оглядываясь, за ним.

Однако о «доме терпимости» в Чёрной слободе поручик с обидой доложил коменданту. Киселёв сначала отмахнулся:

— Фронтовики гарь окопную из лёгких водкой изгоняют. Ничего не имею против. Хотя, — полез в ящик стола и достал оттуда папку, раскрыл её, — заведенья подобного рода должны быть официально зарегистрированы, а я такового в нашем списке не наблюдаю. Штабс-капитан! — крикнул адъютанту, — Пригласите ко мне кого-нибудь из отдела военного контроля.

Вошёл ротмистр Стрельников.

— Олег Парамонович, тут такое дело, — сунул ему папку полковник. — Шалман один, хотя и не наша это епархия, проверить надо. Поручик вас туда проводит. Только попрошу деликатно всё устроить, без молодецкого наскока и ненужной пальбы. Людей понапрасну злить не надо. Для начала пустите пару своих ищек разведки для. Если ничего подозрительного не обнаружится, что ж, пусть веселятся господа офицеры. А владельца мы просто обяжем поставить свою лавочку на учёт и выплачивать в казну положенную часть дохода. При выявлении же чего-то из ряда вон — действуйте по инструкции.

Ротмистр разыскал Мазепу, передал приказ.

— Людей нет, — отрезал полковник. — И вообще, надзирать за подобными «жеребчыми стойлами» обязанность полиции, не наша. Меня сейчас обстановка на пристанях больше беспокоит. Водные товарищи — по мордам видно — затевают что-то. Как бы не вспыхнул бунт, подобный тюремному.

— Но Киселёв, и вы его знаете, проверит исполнение.

— А вы, ротмистр, сами посетите означенный объект. В городе вас никто не знает. Проявите смекалку. Думаю, что одного вечера вам хватит разобратся, что там да как. Только мундир свой не забудьте снять. Мне, поверьте, совершенно не хочется слышать треск ружейных залпов над вашей могилой.

Болдырь, повесив офицерский китель на спинку стула, оглядел соратников:

— Ну что, господа комедианты, поздравляю. Ожидаемая нами встреча с властями состоялась. Правда, результат её неочевиден. Но будем надеяться, что какую-то передышку мы себе обеспечили.

— Уходить отсюда надо, Григорий Платонович, — оттянул и резко отпустил на себе подтяжки Палестин. — Сегодня же и на Леонтьевский ручей. Помните, я рассказывал вам о доме ветеринара Акулова? Добротная крепость с подкопом и овраг сразу за ней. Сейчас там никто не проживает. Место удалённое. Для чужого глаза неприметное.

— И долго вы собираетесь там просидеть? — зло спросил его Иннокентий Павлович. — Ветер, увы, подул в паруса красных. И ничего хорошего, как старорежимному офицеру, мне от этого ожидать не приходится, так же как, наверное, и отцам командирам, обороняющим город. Мне предельно понятны меры, к коим прибег верховный правитель, и, поверьте, они будут только ужесточаться. Никакие фортеции с башнями и подъёмными мостами вас от них не укроют. А как сегодня поступают с дезертирами, вам известно не хуже меня. Советую совершенно удалиться из города.

— Куда? — усмехнулся Калетин. — И потом, почему вы нарочито говорите «вас», а не «нас»? Вы уже исключили себя из нашего дружества? Или намерены с нами расстаться?

— Пока окончательно не решил, но подумываю обратиться к генералу Редько — начальнику Тобольской группы первой армии. Мы с Михаилом Ефимовичем приютились в юности и какое-то время даже вместе зачищали харбинские трущобы от японских агентов. Думаю, что он не откажет нам в помощи добраться до третьей столицы. Омск, конечно же, имею в виду. К нему пролетарии если и подступятся, то очень нескоро. И главное: там есть возможность манёвра, а Тобольск — это тупик. Если большевики отрежут южные коммуникации, куда прикажете бежать, где спастись?

— То есть вы предлагаете мне, отдавшему лучшие годы жизни борьбе с такими, как Редько, упасть ему сейчас в ноги: благодетельствуй, барин, спаси за Христа ради,

изнемог я в страданиях. Нет уж. Мы с Людмилой останемся дожидаться большевиков здесь. Они хоть и зло, но всё-таки меньшее, — резко поднялся Палестин.

— А я, собственно, зная ваши политические предпочтения, обращаюсь не к вам. Меня интересует мнение Григория Платоновича.

Калетин покачал головой.

— Рано или поздно, но это должно было случиться. Успокойтесь, дорогие, и сядьте, — заговорил, ни на кого не глядя. Горечь слышалась в его словах и тревога. — Мы все устали за годы смуты. Не понимаем, я во всяком случае точно, куда несут нас события. Не одобряю, господин капитан, но и не осуждаю, что намереваетесь связать свою дальнейшую судьбу с близким вам по духу армейским офицерством. Каждому своё. Я хорошо помню, что мы уговаривались когда-то быть честными меж собой и уважать свободный выбор каждого. Поэтому откровенность за откровенность: мужик уже хватанул свободы и снова натянуть на свою шею ярмо не позволит. Обстановка на фронтах говорит сама за себя. Неужели вы не видите, что кумирня ваших «богов», похоже, скоро развалится, а вы, встав под крыло разноидейных политиканов, болтунов и чревоушителей, с ними же и погибнете?

...Забегая вперёд, скажем, что так оно и случилось. Через пару лет бывший Генерального штаба капитан сгинул где-то в холодной и чуждой каждому русскому сердцу Маньчжурии, пройдя до этого с остатками войск Тобольской группы Великий Ледяной Сибирский путь сначала до Читы, а там и далее к китайскому порубежью, бесславию, забвению...

— Благодарю за обнадеживающее напутствие, экселенц. Не ожидал. Жизнь — материя тонкая: где порвётся, нам неизвестно. Прощайте, милостивые государи, и вы, Людмила Борисовна. Спасибо вам за всё, — вытянувшись, щёлкнул каблуками Иннокентий Павлович. — Поскольку я ещё не покойник, то и провожать меня со слезами не надо. Честь имею.

Он вышел — прямой и гордый.

«А в это время, в это время гусар поставил ногу в стремя...»

— Прапорщик, — обратился ротмистр Стрельников к перелистывающему за письменным столом какой-то журнал Райхенбаху, — перестаньте зевать. Не желаете ли пофланировать сегодня по вечернему городу с обязательным посещением одного пикантного местечка?

Барон встрепенулся:

— Мы увидим там сон упоительный? Ах, Олег Парамонович, я поражаюсь вашему божественному промыслу угадывать чужие мысли.

— Значит, договорились. Только переоденьтесь, пожалуйста, и на ноги что-нибудь этакое подберите. Там, куда мы отправимся, настилы для гулянья не уложены. Встретимся у «Народной аудитории», скажем, без четверти семь. Туда же подойдёт поручик из мобилизационного отдела, который укажет нам конечный пункт прогулки. Прошу не опаздывать и прихватить с собой оружие.

Первым у «салона» Толстомясихи щегольскую тройцу заметил Кукиш.

— Михайло Ксенофонтыч, — позвал прохаживающегося неподалёку дружка, — поди-ка сюда, глянь вон на тех фрайеров. Клянусь последним зубом, что офицерики или «фараоны» к нам притащились. Ищут, падлы, кого-то. Чево им тады, гусакам обтерханым, здесь делать? Ты снаряди-ка для порядку кого-нибудь к Григорию Платоновичу с опасением. А потом попробуем на понт взять ряженных. Наденем на морду «ваньку», повеселимся.

Рыжий зашептал:

— Погодь-погодь, одного из них я, кажется, видел недавно в Затоне с командой. Вон того, что при бороде. Из домов мужиков уводили, говорят, в солдаты. И к Калетину он вроде заявлялся на днях. Издали не разглядеть точно, ближе подойти надо. Сейчас шепну Толстомясихе о шухере и двинем к ним, попридержим. Сегодня я вроде как контуженый буду, а ты ещё с самой германской газом травленный. Прости нам, господи, и помоги.

Райхенбах выдал себя сразу.

— Господин ротмистр! — испуганно вскрикнул он, когда сзади его нагнал какой-то жлоб и, мыча, положил ему на плечо пудовую ладонь.

Стрельников обернулся и выхватил браунинг:

— Тебе чего, обезьяна? А ну два шага назад и руки по швам!

— Ой-ой-ой, как страшно! — Кукиш, свернув голову набок и гримасничая, ухватил прапорщика за полу сюртука и потянул к себе.

Барон услышал треск рвущейся материи и ощутил, как от страха у него стали подкашиваться ноги и руки онемели, будто параличом их разбило. И тут неожиданно к ним подскочил невесть откуда взявшийся стражник-полицейский. Ловко выхватив

шашку, он выверенным фухтелем¹ по шее повалил громилу на землю. Офицеры обступили его. Стрельников склонился и уткнул дуло револьвера в щеку лежащего.

— Достойный экземпляр, — процедил брезгливо. Потом одобрительно посмотрел на урядника. — Мы из контрразведки. А ты молодец! Из казаков, что ли? Не узнаёшь, случаем, образину? — указал на Кукиша.

Полицейский равнодушно ответил:

— Да заметный он здесь, тот ещё лихоимец. Мелькает иногда среди гноищи тутюшней. Грабят ротозеев и доверчивых. Вот и вашего друга, видать, за такого приняли. Я околоточного спросил как-то, а чего таких разбойников не стреляют на месте или на войну не гонят? Так он сказал, что по документам они большие все, кто умом порченый, кто телесами. А я бы их всех для леченья в окопы загнал. Вошь да дисциплина выели б у них, душегубов, всякую страсть людей обстёгивать.

— Отправляй его, урядник, пока на гауптвахту. Но сам где-нибудь поблизости от нас будь. Можешь понадобиться.

А Михаил, увидев быструю расправу над заединщиком, метнулся в толпу зевак и застал от бессилья:

— Во попали мы с тобой, приятель, на самую что ни на есть парашу. И тебя бы надо из дерьма вытащить, и гостей не упустить. Что делать? Шпалеры-то в схроне остались, а с одним ножичком на четыре ствола не попрёшь.

Повертел головой: из знакомых вокруг — никого. Возле дружка, что так и лежал безжизненно, появился солдатик с «винтарём», встал навтыяжку. Похоже, новобранец. А урядник, должно быть, за извозчиком отправился или помощь себе искать. Бородатого и с ним тех двоих где-то уже не видно. «Рыжий» решился. Одет он был, по обыкновению, «под барина»: серый пиджак в синюю полоску, из кармашка атласной жилетки свисает на диагональные штаны серебряная цепочка, ну и канотье, как положено, чуть прикрывает хамоватые глаза.

— Что тут случилось? — подошёл, оглядываясь, к служивому и сунул ему под нос сложенный лист бумаги. — Грамоте обучен? Ах, не сподобился. Тогда слушай, что здесь написано. Сей ордер выдан фракцией Тобольской губернской думы гласному Резван-Желудько Михаилу Ксенофонтовичу, то есть вот он я перед тобою, для исполнения им полномочий в городском околотке под номером семнадцать. Всякие службы и прочая полиция обязаны оказывать ему разное содействие. Печать имеется, подпись предводителя дворянства тоже. Разглядел? Тогда подыми-ка молодца с земли и доложи по форме, кто уложил свободного гражданина на булыжник, который есть оружие пролетариата?

Солдатик стушевался:

— Да сам он уже встаёт. Стало быть, всё и расскажет, а я для порядку к нему приставлен, потому как буйный он. Сейчас усмирять его повезём. На тюрьму.

Пришедший в себя Кукиш отряхнулся, огляделся и картинно — на все четыре стороны — поклонился зевакам, сбившимся в кучки у ларьков и лавок. В ответ увидел ободряющие улыбки — верный признак сочувствия и поддержки: «давай, дескать, посадский, круши им зубы, мы тебя не выдадим». Михаил за спиной стражника пальцами «проскакал лошадкой» — показал дружку, закругляться, мол, пора и делать ноги. Громила повёл плечами — надо, значит, надо — и неожиданно опустил свой кулак на голову новобранца. Под свист и хохот толпы губернский фракционер (придумал же такое!) и гопник скрылись в ближайшей щели меж постройками. Когда урядник вскоре подогнал телегу для транспортировки уголовника, базарная площадь была пуста. Ни единой души. Солдатик только ушибленный сидел и глядел отупело на вечернее небо. Рядом валялась винтовка с откинутым пустым затвором.

Калетин усадил прибежавшего от Толстомясихи мальчонку рядом с собой в кресло, велел успокоиться и рассказать, что же так испугало его хозяйку.

— Так дядьки ненашенские в торговых рядах какой уж час толкуются. Ничего не покупают, только зыркают вокруг, — деловито выложил посыльный. — Михаил Ксенофонтович говорит, что офицеры то переодетые, а один из них, с бородой который и старый на вид, был у вас третьего дня с солдатами. Надо бы вам дверь в дом запереть или отъехать на чуть-чуть времени.

— Далеко они и точно ли сюда идут? Понятно. В нашу сторону, говоришь? А с бородатым кто ещё?

— Второй при нём — рыжий такой, молодой, с версту коломенскую, а третий дёрганый, важный, будто петух среди куриц. Хозяйка велела передать ещё, что Михаил Ксенофонтович с Кукишем городским на пятки сели.

— А ты сам знаешь Ксенофонтыча?

¹ Фухтель — удар шашкой, саблей плашмя.

— Знаю.

— Беги к нему и скажи, чтоб сюда не совались, а наняли экипаж и ждали за забором у дальнего сада. На глаза тем людям не попадайся.

Мальчишка, поняжливо кивнув, скрылся.

Хозяин дома зашёл в комнату Палестина. Сказал, не скрывая досады:

— Любопытству человеческому нет предела. Собирайтесь, молодой человек. Кажется, мистерия, что мы тут недавно разыграли, показалась нашим случайным зрителям слишком сомнительной, и её захотели посмотреть ещё раз. Они, скорее всего, догадались, что герои и реквизит пьесы насквозь фальшивы, поэтому дёргать чёрта за хвост не будем. Поторопитесь передать Людмиле мою просьбу немедленно собирать вещи. И на прощанье устройте в «номере» такой бардак, чтоб видно было, какие страсти там бушевали. И — главное — не оставьте в гардеробе ценные сценические костюмы. Про мундиры говорю, пошитые из добротного штиглицевского сукна. Через пятнадцать минут жду вас с вещами в шалаше у северных ворот.

— Да... погуляли здесь знатно, — обойдя пустые комнаты, выругался Стрельников. Пнул лежащую на полу бутылку. — Посмотрите, сколько выпито шампанского. А папиросы какие курились! Я табаком «от Дюгена» последний раз, кажется, в семнадцатом наслаждался. Шутя кому-то живётся, не так ли, барон?

Прапорщик продекламировал:

— «Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!» — и разочарованно добавил: — Кажется, опоздали мы на праздник буквально на несколько минут. В дальнем апартамента на столе самовар совершенно горячий стоит, и в чашки уже сливки разлиты для чаепития.

— Их кто-то предупредил, господин ротмистр, — уверенно заявил поручик.

— Тонко подмечено, поздравляю, — едко отозвался тот и принялся излишне велелично рассуждать: — Поспешность, с какой был покинут дом, удивляет и, конечно же, рождает некоторые вопросы. Но весь этот бедлам, согласитесь, больше похож на тайный воровской притон. В борделе всё-таки стараются соблюдать хоть какие-то приличия. Не станете же вы утверждать, что в этом курятнике тешили свою плоть большевики-подпольщики из интеллигенции. Я к ним отношусь с должным презрением, но в столь низкое падение их поверить всё-таки не могу. А застигнутые вами здесь недавно вояки, поручик, у которых вы обязаны были потребовать документы, — это, скорее всего, жертвы ускоренной офицерской выпечки из черни, болтающейся ещё вчера в нижних чинах. Этим новоявленным «благородиям» жрать водку и говорить сальности девкам действительно лишь бы где. Словом, тут всё ясно, передаём дело полиции. Прапорщик, составьте протокол осмотра помещений. Занесите в него всё, что обнаружено на месте грехопадения — бутылки, интимные аксессуары, если есть, и прочее. А вы, поручик, помогите ему, иначе барон не выберется отсюда неделю.

Иринарх Гаврилович захохотал, когда Стрельников рассказал ему о визите в Чёрную слободу:

— Боже, как мне это знакомо, как знакомо. Вспомнились былые годы, мадам Дюшон, её тайные поклонники. Страсти роковые, мирная тёплая жизнь. И среди её течения, как пустячок, бесследные исчезновения и убийства некоторых добропорядочных людей. Причём именно в месте, откуда вы только что вернулись. Отмечу с радостью — живыми, — полковник посерьёзней. — Вы правильно оценили ситуацию, ротмистр: поиски тех, кто — умышленно или нет — поиздевался над нами, ни к чему не приведут. Зря потратим силы и время. Пусть подчинённые полицмейстера копытят. Но вот этого мальчика, которому голову повредили, расспросите лично. Может, хотя бы приметы нагнецов опишет. Впрочем, — Мазепа снова захохотал, — он и сам себя вряд ли помнит.

Опытный ищейка, конечно, понимал, что ничего под луной случайно не происходит. Всякое действие есть чья-то воплощённая мысль. Кто-то светлый град на холме построить мечтает и строит. А кто-то единственной думой живёт — как бы соседскую девку Груньку на сеновал к себе залучить. И блузой из коверкота для того её одаривает и раздевающими взорами испепеляет. «Надо всё-таки поручить Дедюхину, чтоб нарядил одного из прикормленных «штучников» узнать об этом, чёрт бы его побрал, подозрительном домишке, — подумал устало. — Стрельникову, видимо, не приходится работать со скопищем голодных негодяев, живущих по законам улицы, потому он и выбрал негожую тактику. Кто же для посещения нищей окраины вызывающе наряжается, а потом ещё и наганом размахивает. Ведь убить могли за здорово живёшь».

Дедюхин, выслушав начальника, обрадовал его:

— А я, кажется, знаю, о каком особнячке речь идёт. Сейчас не скажу, но до переворота там проживал некто, эх, фамилию запамятовал, делец богатый. Чем занимался точно — никто не знал, но то, что деньги у него водились, замечали многие. И старались

дружить с ним. Винный купец Босоногов, слышал, самолично доставлял к нему лучшие сорта «игристого». И гласные из губернского собрания вечерами запросто угощались у него кофею. Я, с вашего разрешения, пошлю туда Тришку Оловянного. Ну, того, что в Соколовской сельхозшколе организацию комиссарскую выследил. Пронырливый малый и рукастый, обстригает всё как надо. Но есть опасение, что может отказаться. И по мне, так правильно сделает. Мы же вновь нанятую агентуру уже два месяца как без жалованья держим. Обещанные-то казной средства до нас так и не дошли.

— Почему раньше не доложил? Понадеялся на милость наших вороватых чиновников? Смешно. Ты же битый человек, Дедюхин! Ладно, давай определимся пока с Трифоном. Сколько ему задолжали?

— Уже шестьсот целковых. Это без учёта обещанных «чаевых» за успех отдельно-го дела.

— Сволочи! — выругался по известному чьему адресу полковник. — Напрочь забыли библейскую заповедь, что расплатиться с работником надо тогда, когда на нём рубаха ещё не высохла, — сердитый, прошёл к сейфу, открыл дверцу. — Вот, — бросил на стол несколько царских червонцев. — Всё, что есть. Пусть начинает поиски ваша оловянная морда. Подстрахуйте его кем-то и прикажите сообщаться по этому делу только с собой, ни с кем более другим. И вот ещё что. Один из моих осведомителей слышал как-то в той слободке шепотки меж каторжными мордами о каком-то там болдыре. В твоих, Тихон Макарыч, сводках не мелькало случайно лицо с таким бубенчиком? Впервые слышишь? Ну-ну. И в полиции, я узнавал, уголовного с подобным погонялом тоже не припомнят. Нехорошо получается: многим базарным торговкам он известен, а в сыских ведомствах знать о таком не слыхивали! Надо ситуацию прояснить. Понятно выражаюсь?

...Трифон (агентурное имя — Полба) в одну из ближайших ночей бесшумно выставил форточку в окне указанного ему пустого дома и тщательно его обшарил. Покинул объект под утро, отягощённый мешком. Подельник, подвозя Оловянного до хибары, где тот обитал, то и дело оглядывался по дороге на молчащего спутника: на ухабах коляску трясло, и тогда мешок в руках тайного хищника позвякивал бутылочным стеклом, шуршал фольгой и поскрипывал жестью. «Не иначе, поживился-таки Тришка объедками с барского стола. У, глот ненасытный», — усмехался в усы. И не ошибался. Понятия брезгливость и прочее чистоплюйство Полбе, как прапорщику Райхенбаху, например, не были знакомы. Он не погнушался собрать бутылки, в которых осталось спиртное, перелил их до должного уровня в пустые полуштофы, запечатал валяющимися на полу пробками. В хрустящие пакеты побросал оставленные (даже надкусанные) яблоки, помидоры, сыр, кружочки колбасы. Отдельно завернул в полотенце несколько вилок и ножей. А металлические коробки с монпансье безжалостно вытряхнул на пол и набил их пахучими пахитосками и табачным листом. Разумеется, неожиданными «дарами божьими» — «хоть засмотришь на меня, рожа завистливая», — он делиться с возницей не собирался. Единственную вещь, с которой ему завтра придёт расстаться, и, пожалуй, самую ценную из добытого (ибо за неё полагалась дополнительная деньга), дома засунул вместе с револьвером под подушку. Остальное аккуратно определил под кровать, разложил в неказистом шкафчике у окна, подвесил на торчащий из стены гвоздь.

Дедюхин утром, повертев в руках кожаную кепку с жестяной, крашенной охрой звездой недоверчиво поинтересовался:

— Точно в доме нашёл? Или как торгош ушлый залежалую требуху мне втюхиваешь?

Агент побожился, что вертеться ему на сковородке в преисподней, если он господин начальника фуфлом потчует.

Тихон Макарович щёлкнул в уме костяшками на счётах и добавил суровости в голосе:

— Для получения вознаграждения сей улики мало. Таким доказательством нынче никого к стенке не припрёшь. Побожатся людишки матерью родной, что на торжище выменяли кепчонку за кусок сала. А то, что звезда на ней до сих пор красуется, так скрутить её, окаянную, забыли. Чего-то посущественнее надо бы представить. Раз вещь эта в доме хранилась, значит, и другое что-то может обнаружиться. Иди ищи. Дам тебе двух помощников. Один снаружи наблюдать будет, второй с тобой внутри управляться. И наш разговор про болдыря не забывай. Погодь, — неохотно перебрал пальцами в кармане монеты, выданные Мазепой, уцепил одну из них, протянул, — на вот возьми за прошлую работёнку. Николаевский. И помни доброту мою.

...Но червонец этот злосчастный недолго грел душу бандита-provокатора. Вскоре он перекочевал в карман «Боярина», которому Калетин поручил присматривать за покинутым домом. Прошлой ночью стеречь особняк Северьян не пошёл по причине вешской — любовной. Толстомясиха днём ещё пригласила его на свои именины, ну, а там

— знакомое дело: рюмочки-стаканчики, женские чудо-формы под креп-жоржетом волнуются, кружевные простынки на постели ромашкой пахнут. Сегодня же вчерашнюю подлость по отношению к хозяину решил не повторять и за компанию с Жоржкой Огудаловым да Люсьеном Кривым отправился дежурить на пост. Расположились они в бывшей кладовой, не имевшей окон, зажгли свечи, выпили по стаканчику мадеры и карты достали, чтобы в штос перекинуться. И шум вдруг подозрительный в соседней комнате услышали. Свечи разом задули, ножички из-за голенищ вытянули. «Боярин», пригнувшись, скользнул вдоль стены в коридор. Дружки за ним. А Полба — сухой, что камыш осенний, уже привычно одолел узкую горловину форточки и неслышно раскрыв створку окна, чтоб товарищ его, телесами поукладистой, мог без матюгов и неизбежных ссадин легко перевалиться в дом. Когда второй гость соскочил с подоконника на пол, в проёме появилась ещё одна голова, но тут же скрылась.

— Трое их, — шепнул «Боярин» Огудалову. — Одного оставим для допросу... остальных, — провёл ребром ладони по горлу.

Трифон тем временем, осторожно ступая, двинулся к выходу. Однако не понравилось ему, видно, лунное свечение, широкой полосой растекающееся по стенам комнаты. Он вернулся, тщательно сдвинул занавески да ещё придавил их, чтоб не разъехались, цветочным горшком. Потом, помедлив, осторожно шагнул в коридор. И тут же, придушенный, обмяк в руках Люсьена. А в грудь его подельника тотчас полетел нож. Третьего Жоржка высмотрел в кустах у парадного входа. Урка сидел на земле, и ладонь его, словно белая бабочка-капустница, перхала сначала вверх от кармана тужурки к лицу, потом вниз — от лица к карману. «Семечками разговляется, петушок. Щас я тебя кашкой вечности накормлю». Хрустнула ветка. Парень вскочил, что и нужно было. Через секунду-другую он рухнул на землю. А Огудалов, вытерев лезвие о штаны жертвы, тенью метнулся в дом.

...День прошёл, и второй. Полба с дружками не появлялись. Дедюхин, отведя глаза в сторону, доложил Мазепе:

— Как с такими работниками победу добывать, не знаю. Зря я выложил Оловянному три червонца, нет до сих пор подлецов.

— Пропьются, приползут, — недовольно заметил Иринарх Гаврилович. — Не до них сейчас. Ты вот что. Поступил, наконец, приказ по политическим. Отправляйся на пристань. Найди капитана парохода «Походяшин» и вместе с ним обеспечь порядок погрузки арестантов на баржу, которую тот отбуксирует из города. Куда — не наше дело. А я здесь, в тюрьме, проконтролирую, чтоб наиболее опасные большевики не попрятались где-нибудь под нарами. Лично убедись в наличии среди заключённых председателя ревтрибунала Шананина, продкомиссара Баженова, дерзкой девки Поляковой и других. Вот тебе список. Как исполните, сразу ко мне с докладом.

...Той ночью унижать Тришку побоями «Боярин» не разрешил. Вежливо попросил рассказать форточника: какая-такая корысть привела его в дом уважаемого человека. А когда тот заежил словами, запузрыл слюной от страха, велел Люсьену принести из каморки под лестницей лопату. Объяснять, для чего она понадобилась, нужды не было. Полба упал на колени. Его подняли, провели к оконечности сада, где под обросшим крапивой и мхом глухим забором заставили копать яму. Ну, а пока он углублялся в землю, слушали его последние в этой жизни признания.

...На Леонтьевском ручье многие дома стояли заколоченными. И Калетин про себя отметил: «Значит, народец здесь поредед, и каждое появление на улице незнакомца кем-то да будет примечено. Что ж, ночами придётся передвигаться, не впервой». Договорились, что Михаил с Кукишем тоже переберутся в избу ветеринара. Все понимали, что после представления в Чёрной слободе и ликвидации мазепинских посланцев оставаться там крайне опасно. За несколько дней рядом с сараем они выкопали себе землянку — могилу. Сверху, вровень с землёй, чтоб незаметно было, соорудили накат из брёвен. Уложили его дёрном. Вход прорубили со стороны леса на укосине оврага. Ну и сапу туда подвели.

Заканчивалось лето. Ночами над близким заболоченным оврагом нависал туман, кое-где на берёзах, черёмухе и осинах появились жёлтые прожилки увяданья. Но созрела лесная малина, кровавыми капельками рассыпалась по мшаникам ягода костяника, грузди пошли, боровички с подосиновиками. А ещё полетели по всем пятидесяти улочкам и переулкам городишки, будто одревесневшие плоды чёрной ольхи, слухи — один другого правдивей и краше. На Архангельской шептались, что жуткие бои идут уже в междуречье Тобола и Ишима. И красные якобы дружно теснят беляков на север. Обыватели же с Рождественской клятвенно уверяли в обратном: «Дух казаков конной группы атамана Иванова-Ринова настолько высок, сколько крепка наша вера в победу. Две дивизии «лапотников» разгромлены, скоро и остатние порубят в капусту».

А меж торговых рядов у Курдюмки обсуждали последнюю — из ряда вон — сообщенью: «Слыхали, поди, православные, давешней-то ночью ребятишки наши у беля-

ков пароход «Иртыш» отбили. Заарестовали офицеры и в трюм сунули, а сами со своим капитаном за линию фронта ушли. И бомбомёты три штуки, винтовки да пулемёт вроде на себе утащили. Полиция хватает щас подряд кого попало, а толку что: долбанёт скоро то оружие по ним — узнают, как над народом измываться».

То, что скоро «долбанёт», не понимал, наверное, лишь всероссийский правитель. На вопрос одного газетчика-писателя, как он представляет себе будущее, адмирал, жонглируя словами, сказал, что «настроение армии и народа — это сплошная тоска по старой России, тоска и стыд за то, что с ней сделали... Все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии...» Александру Васильевичу было невдомёк, что кто-то в его огромной, послушной воле вождя вотчине может мыслить по-другому. Он упорно верил только своим предначертаньям и потому гнал генералов развивать успех на тобольском направлении с целью одной: удержать большевиков в подбрюшье Сибири, а там, глядишь, к концу октября казачки Мамаптова или Кутепова уже Кремль от ненавистного Совнаркома очистят.

Доклады контрразведки об участвовавших в переходах нижних чинов в лагерь противника, разброде, пьянстве и шатаниях среди офицеров не принимались во внимание. На сообщения же снабженцев, пугающих осенним непогодьем и острой нехваткой тёплой одежды в передовых частях, ложились жирные резолюции, которые никто не читал и, соответственно, не исполнял. А полковые финансисты сетовали промеж себя, что, имея огромные золотые резервы, власти не находят денег для закупок всего необходимого у того же населения. Поэтому повсюду и видятся неприглядные картины грабежей и насилия. Как же так?

Относительно выработки стратегических планов всё обстояло ещё хуже. Некоторые генералы не питали иллюзий по поводу временного успеха на Тоболе, считали, что наступать далее — значит обресть армию на погибель. И как выход из тяжелого положения предлагали отойти вглубь Сибири для создания там независимого территориального образования из Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Аргументов «за» было предостаточно: там — судоходный Амур, там — железные дороги Транссиб и КВЖД, природные кладовые Якутии, Даурии и Сихотэ-Алиня, наличие какого-никакого торгового морского флота. А изобилие рыбы и пушного зверя на Камчатке! А Сахалин с его залежами нефти! Да можно жить припеваючи! Ну и сохранённый пока золотой запас, наконец. Его, распорядившись умело, можно использовать для развития торговли с Японией, закупки новейших видов оружия в Америке, что значительно увеличит оборонную мощь государства. Перспективы — дух захватывает!

Колчак колебался. Но не дающий ему покоя навязчивый фантом скорого падения первопрестольной погнал его в начале октября в инспекционную (а скорее, вододушевляющую войска) поездку по частям Сибирской армии Дитерихса. На мачте самого большого парохода иртышского речного товарищества «Товарпар» взвился брейд-вымпел адмирала. В каютах первого класса разместились сам верховный, морской министр Смирнов, высшие чины походного штаба. Осенний Иртыш был свинцов и пустынен. Зато настроение на палубах приподнятое. Отчалили.

Стояли погожие деньки. Встречали дорогого гостя везде улыбками да хлебушком с солью. На пристанях выстраивались почётные караулы, ряды бравых кавалеров из бывших фронтовиков. Правитель, оценивая вглядываясь в лица, привычно обходил шеренги ветеранов, поздравлял самых достойных с производством в первый офицерский чин. Прикреплял «Георгии» на вылинявшие гимнастёрки. Шутил. Раздавал подарки: табак, мёд, перчатки. Благодарные подданные кричали «ура». После чего Колчак произносил речи. Затем удалялся в свой салон, где встречал делегации местных самоуправлений. Внимательно слушал, принимал к сведению пожелания, морщился от жалоб. Особенно умилил его Тарский городской голова, поднёсший высокому гостю двести тысяч рублей пожертвований на нужды армии. «Капиталисты-то наши все отъехали давно, так крохи эти мелким да средним людом собраны», — поклонился старик. «Верны мои слова о неборимости духа русского, — читалось в глазах верховного. — Последнее отдаёт мужик, значит, верит в нашу победу».

Уже в прифронтовой полосе за Тарой «Товарпар» — как бы чего не случилось — вышло сопровождать блиндированное судно «Алтай» с радиотелеграфом и пушками. В Усть-Ишиме снова смотр войск и неприятный доклад о разбойном и, прямо скажем, недопустимом поведении партизан. Они дерзкими вылазками из болот наносят огромный урон хозяйствам волости: третьего дня угнали около тысячи лошадей, много подвод, ограбили волостную кассу на сотню тысяч рублей, уничтожили списки мобилизованных в освободительную армию, увезли четыре тысячи пудов хлеба. «Омский сиделец» обещал возместить убытки и примерно покарать зарвавшуюся чернь. Но заметно помрачнел. Он ведь отправлялся в поездку, надеясь присутствовать при глубоком прорыве боевой Обь-Иртышской флотилии и войск ударной группы в тылы красных с последующим их разгромом. А тут такое творится!

Через день его приветствовал Тобольск. Верховный осмотрел город, встретился в кафедральном соборе с епископом Иринархом, почтил вниманием могилу убиенного Гермогена. Похвалил гражданского губернатора Гондатти за исправно работающие водопровод и электростанцию. Улыбнулся сообщению о сохранности винных складов, где ждали своего часа до ста тысяч ведер водки и спирта. Вечером тет-а-тет долго беседовал с генералом Редько. А на следующий день приказал отменить запланированный ранее спуск по Тоболу на юг. Окружение адмирала вздохнуло с облегчением: пускаться в рискованное предприятие, когда разъезды комиссаров замечены уже в сорока верстах от города, представлялось по меньшей мере глупой бравадой. Не хватало ещё в плен угодить. Ну и настоящим ударом по и без того расшатанной психике Александра Васильевича стало сообщение его начальника штаба о том, что развивать успешно начатое наступление нечем, ибо обещанья атамана Иванова-Ринова¹ мобилизовать дополнительно восемнадцать тысяч казаков, исполнены только наполовину. Разъярённый правитель смахнул графин со стола и указал должным образом разобрататься с нерадивым начальником. Возвращалась инспекция в Омск уже без остановок, встреч и полковых оркестров на берегу.

...Накануне визита Колчака Мазепа глубокой ночью приехал в тюрьму и пригласил на чашку чая Дедюхина.

— Всё равно не спишь, Тихон Макарыч, садись, поговорим. Предчувствия меня томят нехорошие, вот решил поделиться ими с тобой. Не с кем более. Можешь курить, но желательно у окна.

Начальствующий над филёрами молча опустил на стул. Приготовился слушать.

— Скажи мне, наперсник игрищ и забав, — без лишних условностей начал Иринарх Гаврилович, — известно ли тебе, что красные вот-вот опрокинут Дитерихса? Я ежедневно получаю тревожные доклады агентов о неумолимом продвижении отрядов Блюхера на север. Пока об этом, из государственных соображений, советуют не распространяться. Но оборона наша трещит по швам, настроение в частях — хуже некуда.

— Но ведь адмирал обещал разбить этого крестьянского самородка.

— А его и разбили... на бумаге. Только выясняется теперь, что этот скользкий красный германец, или кто он там на самом деле, раненный, но вполне живой, улизнул в болота, продрался через них и навис своими боеспособными батальонами над тылами Редько. Как ты думаешь, найдётся ли у наших наполеонов мудрость и силы вместе с ней спасти ситуацию?

Дедюхин посмотрел непонимающе:

— Вы на что намекаете, ваше высокоблагородие?

— К тому и клоню, Тихон Макарыч, к тому и погибаю, что пора нам с тобой подумать о завтрашнем дне. Я чувствую: нашей с тобой эвакуацией при внезапном прорыве красных никто заниматься не будет. Спасаться придётся самостоятельно. Поэтому готовым надо быть уже сегодня.

— Прошу прощенья, Иринарх Гаврилович, но мне как-то не нравятся ваши настроения. Зачем мне, к примеру, спасаться отсюда?

¹ Человек, достойный отдельной книги. Отменный стрелок и любитель постоять у края бездны, играя в «русскую рулетку». В память об одной такой прокрутке револьверного барабана до самой своей смерти носил в груди не извлекаемую пулю. Был героем омского белого подполья. Сменив на посту военного министра Сибирского правительства Гришина-Алмазова, призвал забыть революционную трескотню «кувырк-коллегии» Керенского и незамедлительно вернуть чины, титулование, погоны и другие атрибуты, бытовавшие в императорской армии. А следом издал приказ, согласно которому все офицеры, служившие большевикам, объявлялись предателями. Однако скоро сам попал в их число. За бездействие, повлекшее за собой провал Тобольской операции, был отстранен от командования Отдельным Сибирским казачьим корпусом и вскоре арестован по обвинению в измене. Освобожден генералом Каппелем, однако от службы в его армии уклонился, подавшись в занятый красными Красноярск, где несколько месяцев пребывал на нелегальном положении. В 1920-м пробрался в Харбин. Но уже на следующий год — после казни Колчака — новый главверх атаман Семенов пригласил Иванова на Дальний Восток, доверив ему пост начальника штаба своих войск. После «штурмовых ночей Спасска и Волочевских дней» с остатками «дружины Святого Креста» генерала Дитерихса вместо обещанного последним триумфального въезда в Москву на белой лошадке оказался в жалком корейском Гензане. И вот там этот видный представитель белого движения, один из кандидатов (наряду с Колчаком и некоторыми другими) на пост военного диктатора, изменил свои политические взгляды и вошел в контакт с советской разведкой! По некоторым сведениям, формировал части из белоэмигрантов для «красного маршала» Фэн Юйсяна. Осенью 1925 года был разоблачен, но сумел скрыться. На заседании Войскового правительства в Зарубежье (ноябрь 1925) заклеен как предатель и лишен звания войскового атамана. При налете на группу советских военных советников мятежных китайцев был ранен и эвакуирован в СССР. Где и как закончил свои дни — неизвестно.

Мазепа подцепил щипцами кусочек сахара, раздражённо бросил его в чашку. Налил из самовара кипяток.

— Так-так, — произнёс растерянно. — Значит, решил под большевиками остаться? А душонка от страха не трепещет? Они ведь вспомнят твоё прошлое и не пощадят.

— Пусть и так, только бежать мне всё едино некуда. Кто и где меня ждёт? Вы вон в чине. Пристроитесь где-нибудь, пока Колчак у власти, а я? Дотяну уж свои годы при тюрьме. Она любой власти нужна, пустовать не будет. Придут комиссары, освободят своих, а камеры нашенским братом набьют. Осторожный надзиратель, как говорит тут один большевик, есть фигура надклассовая. Присматривает себе в глазок что за убийцей из дворян, что за воругой пролетарием. И имеет себе кусок хлеба удостоверенно.

— Жаль. Хотя, может, ты и прав. Уцелеть под личиной цепного пса, действительно, легче. Не буду тебя разубеждать. Делай, как решил. Но помочь напоследок ты мне должен. И считай наш разговор руководством к действию. Прежде чем навсегда убраться отсюда, я хочу поставить точку в одном затянувшемся деле. Скажи, Тихон Макарыч, узнал ли ты фамилию хозяина того дома в Чёрной слободе, где офицеры шабаш устраивали?

— А как же, господин полковник. Поспрашивал своих гренадёров. Уведомили они: Калетин то, Григорий Платонович. Со всех сторон очень светлая личность. Сявки слободские его промеж себя болдырем зовут, но боятся многожды больше, чем нас с вами. Когда появился здесь, никто не припомнит. Но быстро подмял под себя всю слободскую торговлю, обложил данью многих барыг и купчиков. Говорят, что оружием при торговывал и при надобности отряд человек в пятьдесят может запросто выставить.

Мазепа нервно поднялся из-за стола.

— Эх, Россия матушка, сторона ты моя разбойная. Неужели полиция не знала о волке, что задира баранов у неё под носом?

— Да знала, конечно. Однако отказываться от подношений у нас не принято. Засмеют.

— Надо разыскать его, — не сдержавшись, выкрикнул полковник. — Есть у меня подозрение, что именно этот тип все прошедшие годы вёл охоту на меня, скрадывал, как зверя, держал в унижительном напряжении. Многие ниточки ведут к нему, очень многие.

— Я думаю, что сейчас схватить означенного вами дельца будет затруднительно. С кем ловить-то его и где? С профосами¹ вроде Полбы мы опять сядем на задницу.

— Затруднительно — это когда дух последний выпускаешь. А мы пока далеки от подобного состояния. Появился тут один, пусть и не великий, но шанс покончить с оборотнем. И пособником нам неожиданно может выступить знаешь кто? Вовек не угадаешь. Сегодня вечером получена шифрованная депеша о скором прибытии в Тобольск самого верховного. Событие для города, согласись, редкое и важное. Встречи торжественные будут, парады, молебны и прочее. Как думаешь, любопытный обыватель упустит случай поглазеть хотя бы издали на освободителя земли русской? Нет, конечно. Валом повалит на улицы. И мне почему-то видится, что среди ликующей публики окажется и наш знакомый. Надо только угадать, где он может появиться. Мест таких в городе, по моему разумению, всего два-три: пристань, губернаторский особняк на горе и площадь у кафедрального собора. Но резиденция Гондатти и собор напрочь отсекутся войсками и полицией, подойти к ним будет невозможно. Значит, остаётся берег Иртыша. Вот туда и пошлём людей. Есть у тебя такие, кто признает Калетина при встрече?

Дедюхин сморщил лоб:

— Да тот же Босоногов. Лавка же его процветает, сам он опять в чести, и народ к нему исправно жалуется. Прикажете, скрутим, пискнуть не успеет. Ещё Латкин знаком с этим барином и Щапов тоже — бывшие наши филёры. Посулим им денежку, пособят.

Мазепа протестующе покрутил головой:

— Босоногова отставим. Может всё испортить. Знак, например, дружку подаст или ещё чего придумает. Лучше привлечём того поручика из мобилизационного отдела. Он, кажется, говорил, что хорошо запомнил всех персонажей попойки. Переоденем его, бороду сбреем. И пусть ещё унтера с собой прихватит, что в доме с ним был. А в усиление к ним Стрельникова и Райхенбаха пристегнём. Сами тоже средь зевак погуляем.

— Ну, положим, установим мы того, кто нам нужен, а дальше как? — вполне резонно спросил Дедюхин. — Он же явно не один будет, да и сам вооружён. А если стрельба начнётся, да во время такой церемонии? Кончится всё плохо для нас. Не окажемся ли мы с вами потом, вслед за Калетиным, в соседнем тюремном блоке?

¹ Профос (со временем трансформировался в «прохвост») — служитель, убирающий нечистоты.

— Ты, Тихон Макарыч, гляжу, подзабыл ведомственные инструкции. А они предписывают в таких ситуациях полагаться на свою голову и никак не на другие части тела. Чем обычно заканчиваются все подобные мероприятия тебе известно? Именно! Разочарованием! Поглазет публика на явившегося пред нею кумира, слёзы счастья утрёт и станет уныло распознаться по своим норам. Если в такой толчее пустить за субъектом сразу нескольких топтунов, он вряд ли обнаружит слежку. А если даже и обнаружит, то уйти от трёх-пяти человек будет не так-то просто. И не надо обязательно провожать его до дома. Достаточно довести до мест менее людных и там немедленно спеленать. Мне ли тебя учить, Тихон Макарыч? Всё надо предусмотреть, вплоть до отдельного спального «номера» для барина в твоей замечательной крепостной гостинице.

— Обойдётся, — буркнул Дедюхин. — Может, ему ещё свежие простынки подать и колыбельную перед сном посюсюкать? Честно скажу, господин полковник, затея ваша какая-то запоздалая. Нынче, как вы справедливо заметили, думать о себе надо. Я бы по-другому поступил.

Мазепа, недовольный поворотом разговора, всё же предложил собеседнику довести мысль до конца.

— Иринарх Гаврилович, дорогой вы наш, а вот нет у вас убеждения, что через Калетина можно поймать выгоды? И причём уже скоро. Что мы о нём знаем? Да ни черта! А вдруг окажется, что он... главный большевицкий подпольщик? Я бы не стал такое напрочь отрицать. Коммунисты, вы сами не раз говорили, люди далеко не глупые и вполне могли оставить его здесь резидентом. А почему нет? У него и связи есть в городе, и оружие, и вроде как вне политики он, раз открыто с ворьём якшается. Кто на него худое подумает? Вспомните бунт в тюрьме. Я не верю, что такое могли организовать молокососы из сельхозшколы. Тут чья-то более крепкая рука усматривается.

Полковник жестом попросил внимания:

— То есть ты предлагаешь оставить Калетину жизнь для торгов с советами? Допустим, я с тобой соглашусь. Но предлагая товар покупателю, надо сначала хотя бы показать его ему, не так ли?

Дедюхин нехотя кивнул:

— Ну да, ну да.

— Договоримся так: поймаем рыбку, а потом решим, поджарить её или назад в реку отпустить.

...Лесом-парусом из Омска совершенно секретная информация о скором приезде Колчака в считанные часы долетела до Тобольска. Город, как будто дремлющий пёс, которого неожиданно огрели по загривку, подскочил вдруг и принялся ошалело выказывать верность хозяину. На пристань и прилегающие к ней улицы согнажи солдат и дворников. В воздух поднялась пыль вперемешку с ругательствами. Началась суматошная подготовка визита: скребли, подметали, что-то ломали, приколачивали, красили. Полицейстер с городским головой самолично объезжали дома, мимо которых предполагался проезд кортежа, и, грозя жильцам всяческими карами, призывали их немедленно очистить балконы от разноцветного непотребного белья, а вместо него тащить и размещать во множестве герани и разные там фикусы.

«Боярин», вернувшись ночью из города, сообщил новость Калетину и ненавязчиво предложил присоединиться к верноподданническому порыву:

— Представляете, сколько глупых богатых фрайеров с дамочками соберётся в одном месте поглазеть на чуду-юду. Шеи вытянут, глаза вытаращат, а про карманы свои и сумочки напрочь забудут. Как такое можно пропустить?

Григорий Платонович к известию отнёсся равнодушно:

— Спасибо. Доводилось нам уже как-то любоваться здесь одной особой, правда, Людмила? Впечатления, скажу тебе, оказались унылые.

Калетин, по привычке похаживая по комнате, стал вспоминать, как в начале августа семнадцатого года они стояли с племянницей на пристани и поочередно в бинокль разглядывали пароход «Русь», тяжёлой тушей разлёгшийся на воде недалеко от берега. По палубе речного красавца, то один, то в окружении семейства и челяди, прогуливался сам модернеец российский. Лицо низложенного монарха ничего не выражало, держался он просто и уверенно. Дочери — великие княжны — улыбались беззаботно, играли в волан и тут же на воздухе садились пить чай. Люди, стоящие за оцеплением, кто вздыхал, кто утирал глаза платочком. Всех интересовал вопрос: зачем царя привезли сюда и что с ним будет дальше? Судьбу «хозяина земли русской» мы-то с вами знаем. А тогда... тогда плескалась иртышская вода о борт парохода, шептался народ.

Городская верхушка, как всегда, не готовая к подобным сюрпризам, спешно подыскивала пристанище для нежданных гостей. Но стоящие на дворе времена к альтруизму не располагали. Местные богатые домовладельцы не желали уступать свои

«терема» какому-то там неизвестно кому. Пришлось довольствоваться бывшей резиденцией губернатора, именуемой нынче «Домом свободы», каковая, по словам князя Долгорукова, представляла собой «...грязный, вонючий дом в тринадцать комнат... с ужасными уборными и ваннами...» (Как за несколько месяцев народовластия некогда шикарные апартаменты превратились в конюшню — историческая загадка). Для ремонта и обустройства особняка требовались значительные средства. Их, где — призывами, где — давя на совесть толстосумов, всё же изыскали. Калетин припоминал, как его, да, наверное, и многих обывателей, удивило такое — поистине трогательное — внимание городских властей к нуждам царственных особ. Впоследствии, правда, оказалось — не совсем бескорыстное. Так, бывший вице-губернатор Гаврилов охотно согласился продать (!) в новое «жилище» господина Романова кабинетный рояль фабрики Шредера, ломберный и письменный столы, несколько кресел и стульев. Подумав, присовокупил к ним обеденный столик под самовар с мраморной крышкой. Попросил за всё четыре тысячи рублей. Заплатили. Куда деваться? Откликнулся и председатель Тобольского военно-промышленного комитета Шокальский: тоже за скромную сумму купили три ламбрекена на окна, диван и две дверные портьеры. Какую-то мебель ещё купили в торговом доме «Наследники Н.А. Ершова». Но всего этого оказалось мало. Комиссар Временного правительства П.М. Марков, доставивший Николая в Тобольск, отстучал телеграмму в Петербург, чтобы слали часы, посуду, скатерти, коньки, лыжи, санки. Ну и про граммофон и балалайку чтоб не забыли...

Чудны дела твои, Господи. У храмов — во многом по вине венценосного арестанта — десятки нищих и калек о «пропитании днесь» слёзно гузынят, а «эти» к забавам зимним готовятся, и «галлипольское масло», поставляемое магазинами товарищества «Преёмники А.В. Янушкевича», на белый хлеб из булочной Гусева намазывают да молочком монастырским Иоанно-Введенской обители запивают...

Калетин, словно предчувствуя что-то, пялиться на Колчака не пошёл. И Людмиле с Палестином запретил. Отправились они втроем за овраг на тихую, что называется, охоту. Побродили изрядно, наполнили корзины грибами, вышли на опушку и решили сесть перекусить. Примяли травку духмяную, разложили скромную снедь. Квас из бутылки по кружкам разлили. Чокнулись, пряча улыбки. И тут заметили: из дальних зарослей орешника на широкую заболоченную низинку вышли трое: длиннополые шинели на них расхристаны, тощие вещмешки с загорбок свисают, винтовки вниз дулами покачиваются. Заметили обедающих, замерли. Постояли, видимо, совещаясь, а потом взяли оружие на изготовку и, отшагивая друг от друга в разные стороны, охватом пошли по гудящей шмелями луговине. Григорий Платонович побледнел и грубовато велел Людмиле отползти в кусты и далее бежать домой. Повернулся к Палестину:

— Где ваш наган, Палестин Георгиевич? Доставайте. Кажется, вы уверяли, что во всей округе, кроме охотничьих кордонов, никого и ничего нет. Откуда же здесь солдаты? А я вам скажу: освободившие себя от службы герои сюда пожаловали. Добра от них не дождёшься. Может, мне на шагов тридцать левее отползти, оттуда фланг сподручней контролировать, как считаете?

— Оставайтесь на месте. Стрелять они не станут, — спокойно ответил Азабиди. — Если беглые, шуметь им не с руки. Увидели, что народ цивилизный отдыхает, поэтому на испуг взять попытаются. Но посмотрим сейчас, как мужички криворотые воевать умеют.

Он взвёл курок, быстро прицелился. Неожиданное эхо выстрела сорвало с деревьев множество птиц. И фигуры, серыми пятнами скользящие по залитому солнцем разнотравью, пропали.

Палестин, пряча наган, удовлетворённо усмехнулся:

— Вот видите, Григорий Платонович, я думаю, что ползут сейчас добры молодцы совсем не в нашу сторону.

Быстро собрали остатки обеда и пошагали в чащу. Но дойти до знакомого оврага не успели. Где-то позади отчётливо послышалась пальба.

— Из винтовок бьют, — остановился Калетин.

— А вот вроде нагана хлопок, — вслушался Палестин. — Неужели «Боярин» пособить нам решил? Давайте к нему, а то уложат дурака ненароком, трое их всё-таки.

Повернули назад. Спешили. Рвали одежду о кустарник. Забирая правее, обходили место, где недавно останавливались. Рассчитали верно. Скоро услышали:

— Здесь я, раненный маленько, помогите.

В неглубокой лощинке увидели «Боярина»: сидел под деревом посеревший и рвал на себе рубаху. С подбородка капала на штаны кровь.

— Одного я, кажется, к богу отослал, — тихо, но с явной гордостью сообщил он. — Да самого-то, вишь ты, зацепило. Больно.

— Где двое других? — спросил Григорий Платонович.

— Подались вдоль ручья вниз к реке. Бежать за ними —дохлое дело. Испугались они — не догоните.

Наскоро перевязали раненого. Палестин, охнув от неожиданной тяжести, взвалил его себе на плечи. Часто передыхая, дотащились до родимой «крепости».

— А тут пока вас не было, к нашему дому колясочка подъезжала, — испуганно встретила их Людмила.

— Какая колясочка? — с тревогой посмотрел Калетин.

— Обыкновенная. Два человека в ней, по виду чиновники. Стояли минут десять, оглядывались, кричали что-то. Я не вышла.

— Правильно сделала, — одобрил Болдырь и уже в комнатной прохладе твёрдо изрёк: — Вот что, дорогие мои. Сегодня же отправляйтесь на Царскую засеку к Угрюмову. Не по нраву мне эти последние случайные случайности. Не верю я в них. Вчера — обыски в моём доме, нынче — дезертиры и визит неизвестных. Не много ли совпадений? Ночью схожу тут кое к кому, договорюсь насчёт повозки. Кукиш одну неприметную дорогу к усадьбе знает, доставит вас в сохранности. И доктора разыскать бы надо. Ты, Палестин Георгиевич, говорил, что он где-то у Казённого аптечного склада проживает. Значит, там и поищем.

— Тебе нельзя, дядюшка, — запротестовала Людмила. — Склад сейчас фуражом конским забит, охрана стоит. Сам Жухов там не бывает. Мне Мария, помощница его, при недавней встрече говорила. Он из госпиталя сутками не вылезает. Операции днём и ночью идут. Я сама пойду к нему.

— Не надо никакого живодёра, — поднялся с дивана Северьян. — Из-за моей оцарапанной головёнки неча своими рисковать. И Кукиша с Зейдуллою вам без меня всё равно не найти. А я, — потрогал повязку на лбу, — чем теперь не солдатик, раненный за великое дело? С таким документом куда хошь можно пролезть. И вот насчёт извозчика ещё. Знакомец мой Подошва здесь недалеко толчётся, первый лихач в Тобольске. И кони у него — ветер, а не кони. Если, конечно, он их не пропил.

— Ну, смотри, Северьян Мокеич. На тебя вся надежда. Деньги для дружка твоего у меня имеются, — согласился Калетин. — Только сделать всё надо до утра. Подошву прямо сюда проси подъехать. А Кукишу скажи, чтобы не только револьверы приготовил, но и гранаты тоже. На себе сегодня прочувствовал, чем прогулки по лесу могут закончиться.

«Боярин» напялил на себя гимнастёрку с погонами вахмистра, в мешок уложил штоф самогона, краюху хлеба, несколько картофелин, огурцы, обёрнутый в пергамент фунт сала.

— Ну, пошёл я, — покрыл голову фуражкой. — Ждите.

Подошву он застал в состоянии ужасном. Лихой извозчик лежал на соломе в закуте постоялого двора и прощался с жизнью.

— Охти, мама моя, роди меня обратно, горит всё в грудях, — прошептал, с трудом признав слободского приятеля. — Упились надьсь до такого стыда, что в кулачную на затонских попёрли. А они нас кастетами да кистенями отпотчевали. Ох! Как и дополз-то сюды, один бог ведает.

Северьян ухватил стонущего лихача подмышки, подтянул к стене и с трудом усадил. Развязал свой мешок.

— На-ка, — набулькал в чеплашку «лекарство» и протянул огурец. — Ты мне живой нужен, глотай траву. Блюй и снова глотай.

С третьей или четвёртой попытки «первач» провалился в горло бедняги. Через несколько минут он заметно оживился.

— А ты, я гляжу, в колчаки записался? — повёл глазами на погоны «вахмистра». — Неужто, брат, совсем дела твои сплошали? Плесни-ка ещё. Вроде прижилась, родимая. Главное-то, голову поправить, а то, что сломано, и так срastётся.

Часа через два они на бричке прикатили в Чёрную слободу. Кукиша отыскиали в кабаке Демитрэску. Бывший конокрад, послушав «Боярина», посоветовал всем облачиться в военную форму:

— Вокруг городу одни заставы и разъезды, кто не по службе куда движется, всех трясут и каждого. Ездил я тут недавно за мясом в деревеньку одну, так страху натерпелся — мокрый домой вернулся. Солдатня-то, когда телегу обшаривают, всё норовят мясца себе отрезать, а унтера — те деньги вымогают или водку. Один вот кольцо с пальца моего содрал, гутнявец. Спускайтесь в подвал, там у меня барахло разное хранится, даже медальки вроде какие-то есть. Цепляйте их, обряжайтесь, и пусть хранит вас Господь.

Проводив Людмилу с Палестином, Калетин долго стоял у калитки, вглядываясь в предрасветное низкое небо. Тревогой оно давило, предчувствием беды. «Не рассуждай, не хлопочи! Безумство ищет, глупость судит...» — пытался успокоить себя

словами известного поэта, но, как тягостное наваждение, выплывало вдруг из-за туч скорбное лицо погибшего брата Бориса. Дробились черты его, расплывались до неясности, но глаза... глаза смотрели неотрывно — с укором каким-то испепеляющим, провидческим. Григорий Платонович ёжился, отгонял сумрачные мысли.

Оракулом он не был, как, впрочем, и большинство человек. И потому не мог представить, что уже скоро, промозглым октябрьским днём на усадьбу Угрюмовых за Царской засекой наткнётся отряд лиходеев, озверевших после скитания по уже стылой сумрачной тайге. Сторожевые псы, охраняющие хутор, выполнили свой долг — упредили хозяев о появлении чужаков, но слишком много их было — бандитов оголодавших. Они перестреляли собак и пошли на приступ. Ждать помощи было неоткуда. Палестин, высадив стекло в одном из окон, прицельно бил из «императорской тулки¹», кричал Кукишу, чтоб брал гранаты и пробивался на конюшню, готовил упряжку:

— Женщин и детей надо спасать, сами как-нибудь... А ты, Стива, — указывал мужу Ольги, — продырявь башку вон тому, что с факелом к гумну ползёт. Как управишься, забирай Людмилу, жену с дочерьми, и к лошадям бегите, я вас с чердака из «лююиса» прикрою. Не мешкайте, сразу отъезжайте. В Аремзяны пробирайтесь, там помогут.

Кукиш (не зря школу прошёл каторжанскую) знал, чем «купить» лежащих в пожухшей траве варнаков. Он бесстрашно сбежал с крыльца дома и заорал, махая рукой:

— Будя стрелять! Хилый сюда, уркаганы, я вам погреб барский взломаю. Винища там и жратвы, захлебнётесь от счастья!

Несколько мужиков недоверчиво подняли головы над сухостоем. Кто-то из них прогорланил:

— А ты кто таков будешь?

— Из холопов барских, на хозяина здесь батрачу.

Переглянулись бандюки, но, видя перед собой безоружного, уже без опаски поднялись и пошли к нему. Тот выждал какое-то время и с секундной заминкой бросил навстречу им две гранаты. Сам — плашмя на землю. Когда осколки просвистели, бросился к конюшне.

А Палестин на чердаке похвалил себя:

— Молодец, Азабиди, пулемётик ты не зря наготове держал.

Распахнул чердачную фрамугу, прижал приклад к плечу, и покатались над округой звуки, чем-то схожие с вороньим карканьем. Несколько бандитов сразу вскочили и, крича, побежали к оставленным недалеко лошадям, но некоторые продолжали стрелять. «Сколько же вас всего, мерзавцы? — пытался определить Палестин. — Бомбами человек семь разнесло. Я сейчас троих положил. Пятеро бегут к лесу. Судя по вспышкам, человек десять ещё за деревьями прячется. Береги патроны, Азабиди, и меняй позицию».

«Батрак хозяйский», пользуясь тем, что каретный сарай стоял несколько на отшибе, стеснённый другими постройками, без лишней в таких случаях суеты, впряг лошадей в повозку и подогнал её к неприметной лесной дороге. Затем привёл туда ещё двух коней под седлами и, пригибаясь, побежал к дому. Палестин тем временем переместился на второй этаж. Скакал от окна к окну, перебежал из комнаты в комнату, стрелял и кричал на цепенеющих от ужаса женщин, чтоб уходили, уходили быстрее. Стива не выдержал, подхватил в охапку плачущих девочек, прыжками понёсся к лесу. А Кукиш, надавав пощёчин Ольге, чтоб очнулась и бросила набивать тряпьем баулы, за руки потащил её и Людмилу из дома. Стиве он приказал, никуда не сворачивая, ехать по означенной колее и всё время быть настороже. Попытки Людмилы Борисовны соскочить с повозки пресекать.

— На вот парочку бомбочек про запас, а револьвер у тебя имеется. В Аремзянах старика Тягая найдёшь. Мы с ним в Нерчинске горе одной ложкой хлебали. Приютит он вас пока, а дальше, может, и поутихнет всё. Н-но, пошли, саврасые, — перекинул поводья хозяину.

Когда пулемёт выплюнул из себя последние патроны, Азабиди спросил измотанного, всклокоченного, тяжело дышащего товарища:

— Как звать-то тебя по-настоящему, дорогой человек? Столько дней уже вместе, а всё Кукиш да Кукиш. Имя при рождении какое тебе генитори дали? Ну, родители твои. Иван, значит? Хорошо. А по изотчеству? Иванович. Ещё лучше. Так вот скажи мне, Иван Иванович, сколько мы ещё продержимся с нашими-то пистолетиками?

— Долго не выстоим, господин живописец, у них винтари, издаля нас постреляют. И ночь уже скоро. Подберутся сявки в темноте, не заметим. Надо до коней подаваться, я их приготовил к дороге. Последнюю гранату рванём прям с порога и кубарем в траву. Докатимся колобками.

— Так и сделаем. Пошли.

¹ «Императорская тулка» — охотничье ружье тульского завода.

Граната не понадобилась. Разбойные людишки где-то попрятались и ничем себя не выдавали. А может, глядя на трупы лежащих вокруг дружков и жалея свои головушки, просто решили не мешать обороняющимся уйти. Палестин с Иваном благополучно добрались до коней, попрыгали в сёдла и с места наместом пустились по просеке.

...Окаянцы усадьбу сожгли. Дождались вечера, убедились, что защитники её исчезли, и сожгли. Перед этим злобно порубали шашками гордость покойного Викентия Угрюмова — коллекцию чучел обитателей здешних лесов и озёр. Сгорели и другие охотничьи трофеи, книги, поделки из ценных пород дерева, иконы, дорогая утварь. Кончилась жизнь на этом клочке земли русской. Отпелись песни, отшелестели разговоры.

...В Юртах Аремзянских у коновязи близ дома сельского старосты, чем-то явно раздосадованные, переговаривались ротмистр Стрельников и прапорщик Райхенбах. Несколько часов назад они прибыли сюда по конфиденциальной просьбе Мазепы подготовить здесь запасную базу, на случай — ну мало ли какой. Нужны были лошади, провизия, проводники. Начальник местного гарнизона — седоусый штабс-капитан, к которому они обратились, посмотрел у приезжих документы и развёл руками:

— Помочь ничем не могу. У меня двадцать нижних чинов уже вторую неделю на рыбе сидят, которую сами и ловят в реке. Обрыдло всё. Ни соли, ни хлеба, ни табака. Не угостите, кстати, хорошей папиросой? А то я, стыдно признаться, уже на мужицкий самосад перешёл. Про нас совершенно забыли. Вы не можете мне уяснить, почему?

Ротмистр неубедительно наплёл что-то про растянутость коммуникаций, о редком умении интендантов подвозить кому-то лишнее и оставлять без необходимого действительно нуждающихся и посоветовал отцу-командиру самому утрясти вопрос со снабжением, посетив тыловые службы в Тобольске. Комендант вежливо выслушал и сумрачно предложил:

— Тогда и я вам посоветую в том же духе: попробуйте пострадать здешнюю власть, авось она изыщет для вас что-нибудь. Но предупреждаю: это маловероятно.

Властью оказался прижимистый и хитрый старик из староверов с труднопроизносимым именем Квитнилион.

— Какие лошади? Об чём разговор? Не слыхал я ни о какой контрразведке. Кто такая? — сразу запричитал он. — Гляньте на меня. Я весь больной, нездоровый ногами, и то собственную кобылку есаулу казацкому отдал. Денег с него не взял, ибо патриот отечеству! Как на духу выкладываю, господра разведка: во всём селе или три клычи всего и осталось, а годных для строю коней доктора лошадные из ваших же давно реквизовали.

Чтобы приглушить всплеск своего недовольства, староста предложил гостям испробовать смородиновый чай с грибным пирогом. И совсем не огорчился, когда те отказались.

— Ну что же, дело хозяйское, — свернул губы в ухмылочку. — А по мне, так с пустым брюхом много не наработаешь. Езжайте снова к коменданту. Ён вас небось за царский стол усадит. Хотя погодьте. Забыл я с волнения, а щас вот вспомнил. Видно, везенье по вашей стороне ходит. Тут такое дело. Вчера, как только засмеркалось, повозка о двух упряжных к каторжному Тягаю, что под склоном у реки живёт, подкатила. А сёдня утречком пара верховых к нему же направилась. Вам бы по службе в самый раз навестить разбойника да распознать, что за личности у него собираются. Ну и о лошадаках заодне переговорите.

Стрельников поинтересовался:

— А каторгу ваш селянин за какие грехи отбывал?

— Убивец он. А может, наговаривают. Не скажу точно. Так-то, сколь живёт среди нас, ни в блуде, ни разбое не замечен. Но солдатиков всё же с собой для порядку нарядите.

Штабс-капитан сам вызвался сопроводить приезжих. Пошли: три офицера впереди, два унтера сзади. Спустились откосом к избе Тягая, затянутой вкруг частоколом. Долго стучали в воротину. И собака вроде лаем исходила, но никто не открывал.

— Чего потеряли тут? — послышался голос от реки.

Оглянулись. Идёт низкорослый кряжистый мужик, смотрит исподлобья.

— Ты хозяин? — шагнул к нему ротмистр и прикрикнул: — Немедленно допустить нас во двор! К тебе, говорят, поутру несколько человек заехало. Большевиков прячешь? Открывай, иначе силу применим.

Унтеры для убедительности передёрнули затворы винтовок.

— Не пужайте медведя рогаткой, — зло обронил Тягай. Подошёл к горотье, просунул руку в специальную сработанную щель, отодвинул внутренний засов. — Проходьте, — толкнул воротное полотенце и с ехидцей спросил Райхенбаха: — Можя, для вас за биноклем сходить? Без него-то как супостатов разглядывать будете? Уж больно они

у меня неприметные с виду. Ольга, — постучал в окно, — выводь на смотрины невест комиссарских, женихи пожаловали.

Скоро на крыльцо выскочили две девчушки-пострелицы: в одинаковых платьицах, банты в косичках, глаза от любопытства ширятся. Держа друг дружку за руки, замерли. Следом вышла Ольга. Представилась:

— Я дочь подполковника Викентия Угрюмова, а это моя дочь и племянница. Что вам угодно, господа?

Комендант в некоторой растерянности взял под козырёк:

— Начальник здешнего гарнизона Зыков Николай Андреевич. Простите, сударыня, но мы бы хотели задать вам всего два вопроса. Первый: где сейчас находятся мужчины, что вас сюда доставили? И второй: почему вы предпочли остановиться именно здесь, а не у более порядочных людей?

Угрюмова ответила с вызовом:

— Наши мужчины вернулись в отцовскую усадьбу за Царской засекой. Вам что-нибудь известно о такой? Я так и предполагала, что впервые слышите. Но это не снимает с вас ответственности за её вчерашнее разграбление, — (она ещё не знала, что их хутор уже пепелище), — учинённое явно дезертирами и мародёрами. Мы еле вырвались оттуда живыми. Поскольку ваша команда находится ближе других к имению, вы обязаны были помочь нам. Вместо этого вы сейчас выказываете недоверие нашим истинным спасителям. Я буду писать сослуживцу отца генералу Редько.

— Пишите сразу верховному правителю, — в сердцах махнул перчаткой Стрельников и настойчиво потребовал: — Проводите нас в дом. Нам некогда слушать о делах, нас не касающихся.

— Погодите, Олег Парамонович, — остановил его штабс-капитан. — Сюда кто-то скачет.

Во двор на взмыленном жеребце заскочил казак. Оглядел офицеров, вытянул из-за голенища и протянул ротмистру пакет. Сдвинул нагайкой фуражку на затылок:

— Срочно от полковника Григоровича. Ещё на словах велено передать, чтобы здешний гарнизон отходил к деревне Панушковой и ждал там следующих распоряжений.

Стрельников поймал на себе тревожные взгляды офицеров, принял конверт, хрустнул печатями, развернул лист тонкой бумаги. Начальник Тобольского управления госохраны сообщал, что правый фланг красного Восточного фронта пришёл в движение. И одновременно с ним от устья Тавды в составе третьей армии большевиков по левому берегу Тобола начала наступление дивизия Блюхера. Обороняющие этот участок фронта части генерала Дитерихса отступают. Ввиду серьёзности положения, командование вынуждено отвести к Омску дивизион Обь-Иртышской флотилии. Далее следовало указание: «Вам надлежит немедленно вернуться в город и заняться сбором, охраной и отправкой по указанным уже на месте адресам наиболее ценных активов Тобольска»¹.

Стрельников спрятал пакет в карман кителя и коротко бросил барону:

— Нам приказано срочно возвращаться. Но на час-другой задержимся, — он демонстративно расстегнул кобуру и с наигранным сожаленьем объявил: — Прежде чем расстаться с нашими гостеприимными хозяевами, я намерен всё же завершить дело. Пока прапорщик будет осматривать конюшню, мы с вами, гражданин, — полуобер-

¹ Сколько ценностей собрали в Тобольске колчаковцы и куда их переместили, доподлинно неизвестно. Существовало якобы решение об отправке их в Томск. Для чего (опять же по слухам) были снаряжены два парохода, которым надлежало спуститься вниз по Иртышу до Оби, а по ней мимо Сургута и Нарымского острога (где отбывали, кстати, еще недавно ссылку вожди пролетарского государства — Свердлов, Сталин, Куйбышев) пробиваться далее на юг. Однако — а вот это уже установленный факт — в пункт назначения суда не прибыли. Что случилось? Обратитесь с этим вопросом к бабушке-истории. Она на трухлявой завалинке устами очевидцев, не очень-то, впрочем, уверенно, поведаст вам, что видели их (пароходы те) попавшими в ледяной капкан: студеные-то поры по обским низовьям рано начинают разгуливаться. Ну и пришло, значит, время сопровождающим ящики с золотишком спасать: в тайгу их уволокли и схоронили где-то. А другая старуха, давно слепая, припомнит вдруг, что сама видала в том году, как еще до морозов, углядев корабли на реке, высыпали на берег из лесу многие люди, поуседались по лодкам и пустились в погоню. Догнали самотопы. Кричали да стреляли радостно, а потом по воде — да быстро так, быстро — рассеялись кто куда. Тобольские же кладовскатели (не знаю, как сейчас) все больше копытчили землю вокруг Иоанно-Введенского монастыря. Нашептал им кто-то, что в середине октября девятнадцатого останавливался около обители большой армейский обоз. Обычное вроде дело. Кого тут груженными телегами тогда можно было удивить? Но в этот раз монашек почему-то загнали в кельи. И охрану везде выставили. А раз так, то тайну какую-то сохранить имелась необходимость. Да и видели якобы с колокольни, как служивые долго носили куда-то в темень тяжелые ящики. На рассвете ушли телеги от монастыря порожними. Ночка та тихо скончалась, родив не дающую теперь многим спать легенду о золотом обозе. Что тут сказать? Пусть ищут, кому это в радость. Может, кто и обрящет.

нулся к Тягаю, — пройдемся по дому. Мне, если честно, ещё не доводилось бывать в жилище каторжанина. Извольте убрать руки за спину и пожалуйте вперёд, Николай Андреевич, — окликнул штабс-капитана, — присоединяйтесь к нам.

Никого они в доме не обнаружили, кроме Людмилы. Она, чуть бледная, с припухшими глазами, сидела за массивным, надёжно сбитым, как хозяин, столом и прихлёбывала из блюдечка травяной чай. Ротмистр глянул на неё оценивающе, но не стал задавать ей вопросы. Прошёл за печь, рассекающую избу почти пополам, заглянул в закут. Приподнявшись на цыпочки, осмотрел лежанку.

— А где у тебя, варнак, лаз в подземелье находится? — спросил неожиданно.

— Где ж ему быть, — прогудел хозяин. — Вона в углу три дощечки из пола изымаются, а тамо ступеньки вниз. Полезайте, коли надо.

— Давай, любезный, — приказал ротмистр унтеру, — отставь винтовку, свечу в руку и осмотри волчью нору. Да хорошенько... Ну что там? — спросил, когда через несколько минут голова унтера показалась из проёма.

— Бочки одни пустые, ваше высокоблагородие, да железяки какие-то, огурцы ещё и помидоры в кадках киснут.

— А чего у тебя, рожа, капуста на усах висит и руки дрожат, испугал кто-то?

— Так крысы из хлябых посудин полезли. Много их. Вот душа и оробела.

Служивый утёр ладонью лицо и скрутил незаметно из пальцев «шишку»¹, подумал злорадно: «Не рассказывать же мне тебе, фертик расфуфыренный, что как только учуял я съестные запахи, так и позабыл всё на свете. А пока жевал капусту да грибами давился, всё глядел на сапоги за дальним чаном, по которым скакали рыже-бурые плюгавки. Сапоги те двигались заметно, отрывались поочередно от земли, видать, не вмоготу было стоять человеку среди такого крысиного шабаша. Кто там прячется — не моя забота. Мне до дому целёхоньким надоть добраться, а вы пропадите здесь все пропадом!»

Вошёл прапорщик, доложил, что лошадей и повозок не обнаружено, поэтому можно бы и отправляться. Стрельников нервно натянул перчатки. Щёлкнул каблуками:

— Что ж, уважаемые дамы, извините за причинённые неудобства. Служба. А ты старайся на глаза мне больше не попадаться. — замахнулся на Тягая.

Так же, как и пришли — офицеры впереди, унтеры на почтительном расстоянии сзади, — пошагала команда по откосу к дому старосты. Палестин и Стива выбрались из погребца. Муж Ольги, зажимая рукою рот, тут же побежал на улицу, где его и вырвало.

— Он жрёт и давится, а у меня по ногам крысы танцуют, — виновато оправдывался он потом перед женою, представляя склонившегося над кадушкой урядника. — Вот что голод с людьми делает. Абсолютное онемение всех человеческих чувств.

Тягай, послушав, полез в яму, проверил на бочках крышки, придавил их печными чугунными колосниками.

— Пойду я, однако, проучу нашу власть, — объявил вдруг, уложив половые дощечки на место. — Ён это, паскудник, наслал энту свору на нас. Давно пора ему морду в кулич распластать. Вы сидите тихо, а я ещё до лагеря воинского наведуясь, новости поспрошаю, да вот хоть морквы туес казённым людям снесу.

Квитнилона дома не оказалось. Спрятался, наверно, у соседей. А солдаты, благодаря за бесценную для них морковь, выдали старику военную тайну: приказ будто пришёл об отступленьи, только куда их погонят далее без еды и тёплой одежды, они не знают. Под вечер появился Кукиш. Попросил женщин крепить себя, ибо то, что он скажет, слушать без слёз нельзя. Рассказал, как осторожно пробрался к хутору, а увидел вместо него дымящееся кострище:

— Всё прахом пущено. Придётся нам пока здесь чего-нибудь ожидать.

Через два дня, поднимая пыль, к дому старосты проскакал отряд.

— Из лесу, партизаны, — определил Тягай. — Теперь другая жизнь пойдёт.

¹ «Шишка» (простореч.) — фигура из трех пальцев, дуля, фига.

Глава 2. ...ET NOS MUTAMUR...

Дедюхин снял с пояса связку ключей. Открыл камеру. Распахнув дверь, пригласил стоящего у коридорной стены арестанта:

— Прошу пожаловать, господин меценат, в новый для вас апартамент. Нужду какую испытывать будете, постучите в окошко, я постараюсь вам помочь.

Человек, которого назвали меценатом, молча прошёл в узилище и опустился на узкую «шконку». Огляделся. Накрытая крышкой лохань «параши» в углу. Сочащаяся влагой штукатурка. Серость и сырость. Высоко под потолком зарешеченное оконце. «Давненько я не был в такой обстановочке, — отметил Калетин (а это был именно он). — Прекрасное место для сочинения отдохновенных мемуаров и философских стихов». Но долго побыть ему в одиночестве не дали. Лязгнул засов, вошёл надзиратель, поставил у входа табуретку. Пропустив человека в армейской шинели, вышел и прикрыл дверь. Вошедший присел, широко раздвинул колени. Тоже осмотрелся и беззлобно проговорил:

— Вы, Григорий Платонович, человек вроде бывалый, должны бы знать, что вставать надо при появлении тюремного начальства. Плохо начинаете нашу беседу.

— Голос мне ваш знаком, простите, с кем имею честь? — не шелохнулся Калетин.

— Вашему нахальству при ваших-то обстоятельствах можно позавидовать. Я полковник Мазепа. Вам — подпольному дельцу с дореволюционным стажем — должна быть известна моя скромная персона.

— Так вы из начальника тобольской охранки в тюремщики подались? Ну и ну себе новость! — картинно ахнув, встал Болдырь. — Я склоняю перед вами голову. Но сразу предупреждаю: на вопросы, касающиеся некоторых моментов моей жизни, отвечать не намерен, ибо то, что ведомо только мне, да не коснётся ушей чужих.

— А вы не торопитесь с декларациями и садитесь, — позволил Иринарх Гаврилович. — Из вас, собственно, никто и ничего вытягивать не собирается. В этом нет необходимости. Для чьего-либо расстреливания сегодня не обязательны твёрдые основания, собственное признание преступника и прочая юридическая проволочка, достаточно приказа: моего, например.

Калетин опустился на нары. Спросил озабоченно:

— Тогда я не понимаю, для чего вы притащили меня сюда? Могли бы сразу при аресте точку поставить.

— *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*¹, — усмехнулся Мазепа. — Древние ещё на заре человечества подметили способность нашего вида соответствовать веянию времени. Иначе было просто не выжить. Вы человек наверняка осведомлённый и потому обстановку на фронте знаете не хуже меня. Дни Тобольска сочтены. Кампания, задуманная Колчаком, провалилась. Скажите откровенно: ждёте большевиков?

Калетин посмотрел с удивлением:

— Вы, полковник, шутник. Признаться в подобном представителю карательной конторы было бы не просто глупостью с моей стороны, но чёрт знает чем.

— А я вот жду, — неожиданно объявил Мазепа. — И по многим причинам. Во-первых, не люблю проигрывающих. Уступающий всегда жалок. Он, по мере отодвигания его с главноначальствующих позиций, начинает теряться, искать виновных, озлобляться и делать ещё более роковые ошибки. Что сейчас и демонстрирует наш сухопутный адмирал. А во-вторых, я люблю порядок. Пожар народного гнева запылал не на шутку. И как его погасить, знают, похоже, только Ленин со товарищи. Я ведь когда-то по долгу службы изучал сочинения социал-демократов, в том числе многие работы господ Ульянова, Плеханова и прочих. И, помнится, неприятно поражаюсь их политическим нахальством и воинственной убеждённости в скором падении царизма. Осуществить такое дерзкое предприятие, как революция, думал я, в силу многих российских особенностей, нельзя. Ан нет. Оказалось, можно. И всего-то с помощью одного-двух простеньких лозунгов: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим». Народ уверовал в них и не оставил шансов на победу ни Деникину, ни Колчаку.

— С последним согласен, — отозвался Калетин. — Всё остальное для меня — загадка.

— Вот и попробуйте поломать голову над её смыслом, — поднялся Мазепа. — Хотя у меня есть подозрения, что всё вышесказанное мною вами давно поддерживается. Я приказал кормить вас по рациону служителей тюрьмы и никого сюда не подсаживать. Думаю, что завтра мы продолжим разговор.

— Пойдите, полковник. Раз уж вы столь любезны, может, выполните мою последнюю просьбу?

¹ *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis* (лат.) — времена меняются, и мы меняемся с ними.

— Излагайте, — разрешил Иринарх Гаврилович.

— Я прошу вас разыскать небезызвестного местной публике присяжного поверенного Гравиатова. Мне доподлинно известно, что он, амнистированный правительством, находится в городе и ведёт юридическую практику. Я хотел бы составить завещание. Имею право.

— Гравиатов? — переспросил Мазепа. — Тени прошлого встают передо мною. Значит, жив златоуст? Что ж, мне тоже будет любопытно поведаться с ним, поэтому просьбу вашу прикажу исполнить.

Полковник запахнул шинель и, холодно кивнув, шагнул в коридор. На следующий день он не появился, не дождался его и через неделю. Всё это время крепость гудела. Тюремный телеграф отстукивал лишь одну новость: в городе большевики, власть поменялась.

...Когда на Руси хотят напомнить кому-то о призрачном устройстве нашего мира или предупредить о капризном и туманном будущем всякого, кто гостит на этой земле, вспоминают обычно прямое, как оглобля, речение: «от тюрьмы да сумы не зарекайся». То есть живи себе в радости, надейся на бога, но знай, что даже привязанную кобылу могут украсть. Поэтому появление через несколько дней в камере избитого, грязного человека, оказавшегося полковником Мазепой, Калетина не особо удивило.

Иринарх Гаврилович с трудом забрался на нары и тихо попросил, чтобы позвали старшего надзирателя Дедюхина.

Тихон Макарович появился только ночью. Занёс ведро с тёплой водой. Достал из кармана полотенце. Смыл с лица патрона кровь и, оглядываясь на Болдыря, зашептал:

— Как же вас угораздило попасться, а? Мы же всё как будто точно рассчитали. Что случилось?

— Стрельников, подлец, лодки увёл, — прохрипел контрразведчик. — Из-под самого нашего носа. Мы подъехали к условленному месту, а он, сучье племя, с мальчишской бараном и ещё кем-то отгребли уже на стремнину. Я приказал верхом по берегу следовать за ними. Но они заметили и стали намеренно стрелять. Ну, разъезды красных и переполошились. Окружили нас. Вышибли из сёдел.

— И Райхенбах с ним? Мерзавец! Но откуда им стало известно о месте сбора?

— Не знаю. Дай попить. Спасибо. Наверно, следили за нами. Вообще ротмистр в последнее время вёл себя странно, нервничал, суетился излишне. Я намеренно отказал ему в просьбе эвакуироваться с чинами штаба и приказал до последнего оставаться в городе для пресечения грабежей и других эксцессов. Он тогда нагрубил мне и сказал, что не понимает меня, после чего исчез. И вот видишь, где объявился. Я подозреваю, что напоследок они погуляли по городу широко и не с пустыми руками в побег подались.

В дверь камеры постучали. Дедюхин ногой задвинул ведро под нары и выскочил в коридор. На следующий день во время раздачи утренней баланды в камеру влетел и покатился по полу бумажный шарик. Мазепа попросил Калетина:

— Мне трудно встать, прочтите.

Болдырь осторожно раскатал «ксиву», передал полковнику:

— Записка адресована вам, читать чужие послания я не приучен.

Мазепа поднёс цидулку к глазам. Тихон Макарович сообщал, что комиссары пока персонал «пересылки» не трогают и заключёнными серьёзно не занимаются. Видимо, не было приказа. Камеры забиты разным сбродом. Кто из них кто, определить трудно. При этом каждый день поступают всё новые лица. В такой неразберихе покинуть тюрьму представляется вполне возможным. Для начала в карточке учёта арестантов он зарегистрировал Мазепу под фамилией Сергеев Петр Иванович и просит запомнить это имя. А ещё затвердить, как «отче наш», что попал Сергеев в тюрьму неделю назад после пьяного дебоша со стрельбой и поношением верховного правителя в ресторане гостиницы «Ямская». Сей казус оформлен протоколом, составленным околоточным надзирателем Мануйловым, который сейчас тоже оказался среди «жильцов» крепости. Дедюхин уверен, что при обещании определённых гарантий полицейскому тот на возможной очной ставке подтвердит личность господина Сергеева. И это послужит основанием для освобождения хулителя Колчака.

А днём в камеру вошёл тюремный лекарь. Отлично знавший полковника, он сделал вид, что перед ним обычный обитатель окраинных трущоб.

— Оголите живот и лягте на спину, — грубо приказал он. Полез в саквояж, достал какие-то баночки-скляночки. Принялся смазывать многие иссиня-багровые следы побоев. И между делом незаметно сунул в руку «болезного» стеклянную трубочку. Закончив процедуру, обратился к Калетину: — Приподнимитесь, милейший, вас велено тоже осмотреть. Покажите язык. Теперь расстегните рубаху, я послушаю, что там у вас за грудной происходит. Дышите глубже. Так. Теперь задержите дыхание. Доста-

точно. Всё понятно — шумы, хрипы. И сердце напуганным зайцем скачет. Надо вас, плесень человеческую, лечить.

Вечером их обоих перевели в тюремный лазарет. Дедюхин, чтобы не возбуждать ничьих подозрений, заходил сюда только по служебной необходимости. Для разговора с Мазепой использовал кабинет врача. Там — при первых встречах — он наливал больному половину стакана спирта, угощал салом и докладывал о ходе подготовки известного мероприятия. Но после одного и, скажем так, опасного прецедента, когда полковник — то ли от общей слабости организма (пища даже в лазарете была скудной), то ли от гнёта дум окоянных — тяжело захмелел и начал биться в падучей, выкрикивая при этом проклятья комиссарам, спирт на стол больше не подавался.

Через неделю Тихон Макарович сообщил, что его назначили временно исполняющим обязанности начальника тюрьмы.

— Куда же старого подевали? — обрадованно спросил Иринарх Гаврилович.

— Расстреляли. А мою персону предложили, потому как некого больше ставить. Ждут комиссара из Тюмени. Главного по тюремным делам. Приехать он должен в середине ноября. Вам же к этому времени желательно отсюда исчезнуть.

— Торопитесь, Тихон Макарович, я ещё не решил, как поступить с моим соседом. Мы с ним за эти дни много чего друг другу наговорили. Он считает меня виновником гибели его друга Алымова, помните такого? И прощать мне это не собирается. Ну и собственный арест в родном доме тоже связывает со мной. И в сущности — прав. Именно я распорядился держать круглосуточное наблюдение за странным «публичным заведением». И чутьё не подвело меня: Калетин не выдержал, плюнул на проходную истину, что возвращаться в места, где когда-то был счастлив, не следует.

— Резон, конечно, ваш, господин полковник, убедительный, но дела давно минувшие — они прошли, поэтому позвольте спросить: экие расстояния по диким местам, морозы, народишко кругом разбойный. Неужели один хотите в дорогу отправиться?

— Я не раз бывал в Сургуте. Путь знакомый. Но, пожалуй, ты прав. Те поездки были вроде прогулок, а нынче... Но кого пригласить в провожатые? Выбор у нас невелик. Положиться решительно не на кого. Изменники кругом и трусы. Если ты предлагаешь отдаться в руки Калетину, то сам я ему ничего предлагать не хочу. Есть, знаешь ли, между нами черта, за которую я ступить не готов. Поговори с ним ты. Припугни неминуемым расстрелом, если откажется сопроводить меня до глухого остяцкого стойбища, где мы сможем спокойно перезимовать, а потом разъехаться каждый в свою сторону. И для общего успокоения возьми с него честное дворянское слово, что он не зарежет меня где-нибудь спящего.

— Ну, на такое господин коммерсант, как мне кажется, не способен, — усомнился Дедюхин. — Он хоть и недруг, но нож в спину не воткнёт. Честь имеет, не то что шваль высокородная Стрельников и барон его розовый. Вспомните, какие речи произносили! Как перед вами расшаркивались! На деле же сволочь на сволочи оказались! Вот тебе и воспитание с благородством.

Иринарх Гаврилович успокаивающе похлопал соратника по плечу:

— Разделяю твоё возмущение. И верю тебе. Ты передай ещё Болдырю, хотя это будет, наверное, ударом для него, что просьбу устроить ему встречу с адвокатом Гравиатовым я выполнить не смог. Убили присяжного накануне. И знаешь кто? Бывшие наши с тобой подопечные Донник с Раскольниковым. Да-да. Шла как-то вечером дамочка одна мимо адвокатского присутствия и услышала крики, позвала полицейского. Тот прислушался: действительно, кто-то о помощи взывает. Кликнул себе подмогу. Сообща вышибли дверь, а из комнат по ним стрельбу открыли. Рядом казарма гарнизонная — так солдаты на выручку кинулись. Двоих, что из окон выпрыгнули, застрелили. Самого Гравиатова нашли в кабинете сплошь изрезанным. Его, видимо, истязали. В участке личности убитых налётчиков установили. А вот с какой целью они пытали несчастного, никто, наверное, уже не узнает.

Мазепа потеревил усы. Невесело вздохнул:

— Зря я тогда упёк успешного ратора на каторгу. Сломал ему жизнь. А ведь вина его представлялась не столь очевидной. Ну, составил он карту, могущую помочь налётчикам. Ну, использовал своё служебное положение. Но доказать-то его ведущую роль в предполагаемом ограблении кассы не удалось. Не клеивались факты. Вполне можно было ограничиться высылкой преступника в то же Демьянское под надзор полиции или лишить прав состояния, наконец. Но я же карьеру делал, как же! Ухватился за столь громкое имя. Орденок возжелал очередной на грудь! Словом, скажи Калетину: пусть с завещанием своим повременит.

Дедюхин не стал тянуть.

— У меня есть намерение избавить вас от мучительного ожидания скорой смерти в этом жутком замке, — сказал он приглашённому в кабинет врача Григорию Платоновичу.

— Не скрою, я удивлён. Думаю, вы сделали сие заявление не от большой любви ко мне? — усмехнулся арестант.

— Разумеется. Чувства здесь ни при чём. Вы же не кисейная барышня, которую строгие родители позвали выслушать сообщение о её скорой помолвке с уланом Ястребовым. Давайте поговорим без иронии — по-мужски.

Поговорили. Выпили по мензурке спирта. Калетин, собираясь уходить, заметил:

— Причудливая штука — жизнь. Многие годы я горел отмищением, заряжал им многих людей, тратил на это деньги, но вышло так, что теперь сам должен спасать своего обидчика. Не лучше ли застрелиться, а, господин начальник новой и свободной тюрьмы? Или поступить, как рассказывал мне хороший приятель, по японскому обычаю: совершить акт искупления — харакири?

— А кому лучше-то от этого станет? Пускают себе пулю в лоб, вешаются, сигают с камнем на шее в омут люди исключительно слабые. Да и церковь наша такое не одобряет. Вам ли о подобном думать? Скоро всё уляжется, вражда забудется, и вы ещё спасибо скажете Мазепе, что протянул вам когда-то руку примирения. Идите к себе и готовьтесь к побегу — больше спите, меньше думайте, копите силы.

...В начале ноября ударили морозы. Дедюхин каждый день под разного рода предлогами ездил к Иртышу, подолгу стоял на берегу, наблюдал. Нервничал, оттого что лёд сковывает реку не так быстро, как хотелось бы. По его задумке выбираться из города предстояло именно рекой, для чего он уже купил крупного послушного молодого жеребца и добротный крытый возок на полозьях. Оружие, провизия, шубы и валенки давно собраны. Лёд. Он задерживает. «А вдруг комиссар тюменский раньше обещанного припожалует и начнёт здесь косою махать? Мы же не знаем, какие приказы он с собой привезёт. Чтобы не вышло чего худого, надо всё-таки полковника сначала из крепости вывести, спрятать и дожидаться прочного ледостава. Далее видно будет».

Так он и сделал. В одну из ночей вызвал к себе своего помощника, ценнейшего когда-то тайного агента Трусова, и приказал ему изъять из лазарета арестантов такого-то и такого-то, после чего в тюремной карете доставить их к Завальному кладбищу. Там лично — под расписку — сдать начальнику конвоя красной комендантской роты Филянчикову. И строго предупредить причастных к сугубо секретному мероприятию: те, кто позволит себе распускать язык, будут сурово наказаны.

Исполнили указание смотрителя тюрьмы в точности. Преступников грубо сдёрнули с лежачков, тут же показательно скрутили им руки, накинули на головы мешки и поволокли во двор, где запихнули в крытый рыдван. Скоро красный конвоир Филянчиков (он же писарь крепостной канцелярии Маркин) поставил закорючку в сопроводительной бумаге. И повёл заключённых в кладбищенскую темноту. Было тихо. Удивительно тихо. Недолго попетляв по заснеженным, но натоптанным уже дорожкам погоста, остановились у одной из могил. Кто-то из конвоиров направил на неё луч фонаря. Гранитный крест заиндевел от мороза, и фотографическая карточка в накладной рамочке покрылась хрусталиками льда, однако под ней легко прочитывалась фамилия погребённого, и Мазепа вздрогнул, прошелестев губами:

— Цезарь Алымов.

Растерянно глянул на Калетина. Тот, уловив движение полковника, жёстко произнёс:

— Это было моим единственным и непреложным условием при заключении сделки с Дедюхиным — позволить мне напоследок посетить покойного друга и показать ему человека, который лишил его жизни.

...Отправиться в путь беглецы смогли лишь под вечер дня Филишова заговенья. Православный народ праздновал — несмотря ни на что — начало Рождественского поста. Прежде этого затворники несколько ночей подряд, дождавшись со службы начальника тюрьмы, обсуждали частности предстоящего исхода из города. Каждый стоял на своём. Мазепа предлагал короткими прогонами — от деревни к деревне — двигаться до Сургута, откуда следующим летом спуститься к Томску. Григорий Платонович был категорически против:

— Я, господин жандарм, в отличие от вас, далеко отъезжать не собираюсь, так как намерен скоро сюда вернуться. И потом. Откуда у вас такая мальчишеская самонадеянность — покрыть на несменяемой лошадке семьсот вёрст, да в такие шальные погоды? Вы самоубийца, полковник. И какие селенья по Иртышу вы постоянно поминаете? Мне никогда не доводилось слышать, что они есть звено единого и налаженного почтового яма. Кто нас там будет встречать? Станционные смотрители, которые накормят, обогреют, спать уложат? А ещё выделяют из своих скудных запасов по несколько мер сена для нашего Гнедко или вообще заменяют его свежей лошадьё? Ей-богу, розы какие-то и грёзы, — Калетин вытер платком лоб и с нажимом добавил: — Ротмистр

Стрельников нас там ждёт, дожидается, и подобные ему отщепенцы. Не смотрите на меня, как на идиота. Именно они сейчас в деревьях затаились. Санная дорога устоит, тогда и время их настанет — примутся за разбой. Это я вам со знанием дела говорю. Терять им нечего, да и силы, могущей их здесь сломать, пока не существует.

— Сила складывается, — перебил его Дедюхин. — Красные организуют специальные летучие отряды для поимки колчаков. Вчера был на допросе одного из офицеров. Он рассказывал и плакал. Хватают их, брошенных на погибель, по всей округе. А кто сопротивляется — бьют беспощадно. Попросили его определить, каким числом отступающие по тайге распознались. «Не знаю, — сказал, — один только мой отряд из двухсот штыков состоял. Есть и другие побольше».

— Что вы предлагаете, в таком случае? — не хотел верить услышанному Мазепа.

— Искать надёжное убежище в пределах одного, максимум двух, переходов, — отчеканил Калетин. — На большее у нас ни сил, ни запасов не хватит. Лошадь, как вы знаете, не олень, травку из-под снега добывать не способна. А юрты татарские, ещё раз повторяю, я из соображений своей и вашей сохранности посещать отказываюсь.

— Я, пожалуй, знаю такое место, — снял напряжение Дедюхин и придвинул к себе карту. — Вёрст пятьдесят отсюда будет. Мы там с Щекутьевым не единожды на охоте бывали. Летом, правда. Смотрите, — повёл пальцем по карте и остановил его на развилке чёрных линий. — Вот речка. Название у неё мудрёное, не вспомню сейчас. Неприметная такая, петлистая. Справа в Иртыш впадает. А вдоль неё вёрст десять если пройти по тайге, то на остьёе стойбище выйдешь. В нём шаман Ойка верховодит. Поднесёте ему подарочки от меня — табак, водку, ну, ещё что-нибудь, он вас словно родных встретит. А голодно у них не бывает. Ас хоят¹ и рыбу, и мясо на зиму в ямах запасают. Кровь оленью научат вас пить. Перезимуете.

— По схеме всё как будто понятно, — не сдавался полковник. — Но как нам ту речушку не перепутать с другими, вон их сколько по правую руку обозначено. Не хватало ещё напрямик попасть на какую-нибудь волчью свадьбу.

— Не заблудитесь. Место слиянья там приметное. Как к нему приближаться будете, заметите, что обрывы речные всё более сплошными и крутыми становятся. Только в нужном устье провал между ними имеется, и слева на высоком берегу церквушка плохонькая — вроде маяка — стоит. Мимо неё в чащобу и свернёте. Ойка рассказывал, что пришлые на их пастбищах не селятся и появляются редко: боятся шибко злых духов. Они, мол, скотину и людей забирают куда-то, болотные болезни насылают. Но шаман братьев своих оберегает. Кто ему подарки делает, того Ойка любит.

Иринарх Гаврилович, кивая головой, всё-таки сомневался. Попросил, пока есть время, разыскать знакомого ему лесного смотрителя Борейко — знатока окрестностей, угрюмого неразговорчивого человека. Дедюхин лесничего нашёл. Отвёз к себе домой. За стаканом мадеры стал осторожно расспрашивать. Старик отвечал неохотно и уклончиво. Боялся, видимо, собеседника. Но зимовьем своим всё-таки предложил воспользоваться:

— В этом году, правда, запасу там сделать не удалось. Жена вдруг померла. Обмер и я на месяц-другой. Пока собирался, лето и пролетело. Но ежели завести туда провиант, спички да порох, заготовить соль и другую амуницию, вполне до весны протянуть можно. Изба крепкая, печь в прошлом году ставлена. Однако скажу тебе, Тихон Макарыч, так. Боюсь, что набредёт на укромину какая-нибудь шайка. Тогда плохо будет. Сын мой из тайги недавно пришёл. Видел многих людей при оружии. У костров греются, конину жарят. Стрельба то там, то тут слышна. Царскую засеку вон недавно спалили. Пусть уходят твои люди куда подальше.

Вердикт лесного смотрителя окончательно добил Мазепу. Он вяло махнул рукой:

— Поступайте, как считаете нужным.

Сделав последние приготовления, на заговенье тронулись. Дедюхин, прощаясь, сунул Калетину завернутые в носовой платок документы и шепнул, чтобы тот нашёл его после возвращения. Если, конечно, жив останется.

...Гнедко по присыпанному снежком льду бежал резво, не оскальзывался. Река петляла, отчего месяц над горизонтом то слева дымился, то мертвенно освещал спину кучера. Седоки часто менялись местами. Пока один дремал под медвежьей полостью, другой правил повозкой. Так благополучно миновали несколько темнеющих на берегу селений. Но под утро Григорий Платонович, жалея коня, решил всё-таки завернуть в Нижние Аремзяны к знакомому коммерсанту, чтобы самим отогреться, жеребца напоить-накормить, ну и обстановку узнать.

— Красных здесь быть ещё не должно, — уверил он Мазепу, — а от белого воинства нас защитит ваш полковничий мундир.

¹ Ас хоят («обские люди») — самоназвание хантов.

Хозяин избы, куда они постучали, испуганно обомлел:

— Григорий? Как ты сумел проехать ко мне? Кругом же заставы! Ещё вчера на каждой дорожке солдаты топтались. Спят, что ли? А ну быстро сани во двор, — в горнице усадил гостей на лавку, велел расстегнуть тулупы, но совсем их не снимать. — Быть надо настороже, — пояснил, — а ну как придётся с места в карьер срываться. Водки для согрева предлагать не буду, она плохой помощник в мороз. Сомлеете ещё да помёрзнете. Угощайтесь лучше молочком парным и выкладывайте, каким бесом вас сюда занесло.

Болдырь коротко рассказал.

— Дрянь ваше дело, — откинул волосы со лба торговец и откровенно посмотрел в сторону Мазепы. — Шамана Ойку я знаю, возил к нему не раз товары. Глушь там действительно волчья. Но к нему чтоб добраться, селенье Панушкову надо проскочить. А там сейчас, говорят, какой-то ротмистр из бывшей контрразведки лютует. Всех следующих мимо задерживают, допрашивают. Во всяком человеке партизанских курьеров усматривают или грабителей, которые из города добро вывозят. Товарища твоего, Гриша, может, и не тронут, но вот тебя потрошить будут — не возрадуешься. Я, пожалуй, вас до следующей ночи не отпущу. Поймите, если вы даже сей момент тронетесь, то к Панушковой аккурат с рассветом придёте. А на снегу повозка за версту видна. Понятно излагаю?

Мазепа придвинулся к Калетину, спросил растерянно:

— В нашей контрразведке числился только один ротмистр — Красильников. Неужели он?

— Очень неприятный для нас сюрприз. Но похоже, что он. Вам, Иринарх Гаврилович, есть прямое основание его бояться. После грязной истории с лодками он постарается избавиться от вас, ну и от меня, конечно. Но ждать следующей ночи?

— Подождём. Мне кажется, ваш коллега прав. Днём ехать очень опасно.

За окном послышался лай собаки.

— Сидите как сидели, — тихо приказал хозяин. — Пойду гляну, кого принесло. Будем поступать согласно случаю.

— Николай, — окликнул его Болдырь, — возьми револьвер. Мало ли что.

— Оставь. Стрелять не будем. Дети в соседней комнате спят.

В бекеше, перетянутой ремнями, скоро вместе с морозным паром в избу шагнул румяный молодец — три лычки на погонах. Пошарил глазами вокруг, крикнул и нагло вато улынулся:

— Докладай, хозяин, кого встречаешь. Их благородие барон интересуются.

— Какой барон? — резко поднялся Мазепа.

— Ты, дядя, сядь. Не то покатишься репкой под стол, — подвздрнул из ножен шашку вошедший.

Иринарх Гаврилович в ярости скинул с себя тулуп — блеснули ордена. Заметив замешательство на лице унтера, прошипел:

— Да я тебя сейчас выпороть прикажу! Ступай назад, наглец, и тащи своего аристократа сюда. Скажи ему, что я лично желаю побеседовать с ним. Исполнять и живо!

...Райхенбах в мундире нараспашку сидел, прислонясь спиной к тёплому боку печи, и золотая его голова свесилась в кручине. Он пел:

О, неверная, где же вы, где же вы?

И какой карнавал вас кружит?

Вспоминаю вас в платьице бежевом,

Вспоминаю, и сердце грозит...

На лавках вдоль стен спали солдаты. Пахло овчиной и дешёвым табаком.

— Полковник, говоришь? — рассеянно переспросил перевалившегося через порог старшего урядника. — Какой ещё такой полковник?

— Так точно! Ждут вас для доклада.

Прапорщик, плохо соображая, застегнулся, накинул на себя полушубок.

— Веди, — приказал недовольно.

Николай пропустил барона в горницу и встал у него за спиной.

— Вам плохо, Владимир Карлович? — участливо спросив, вышел из-за стола Мазепа и протянул руку: — Сдайте оружие.

Остаток ночи прошёл в «непринуждённой дружеской обстановке». Напуганного до смерти Райхенбаха вынудили рассказать не только о своих последних похождениях, но и совместных со Стрельниковым планах. Когда закончили допрос, стали гадать, что же дальше делать с юным дарованием? Как нарушившего присягу и просто мародёра его бы полагалось расстрелять, но по настоянию Иринарха Гавриловича реши-

ли взять мальчишку с собой. Вроде охранной грамоты — как-никак в помощниках у главного бандита ходит. К тому же пароли знает, и многие казачки на заставах ему известны. Проводит за село, а там видно будет. А Николай в это время, подумав, вырезал и скроил в нижней части задней стенки санного кузова что-то вроде бойницы-щели, чтобы при необходимости можно было стрелять лёжа, не высовываясь из саней. Перед дорогой все собрались в избе, посидели, помолчали. Хозяин протянул Мазепе свёрток:

— Ойку гостинцем порадуйте, скажите, что я весной обязательно навещу его.

Усадили барона в возок, рядом примостился полковник, Калетин — за кучера. Покатили.

Под медвежьей полостью, куда мороз почти не проникал, где было относительно тепло и покойно, скоро состоялся разговор. Прапорщик долго собирался с мыслями, подыскивал нужные слова. Замирая от страшных догадок, он не в силах был начать. Язык не шевелился, губы немели. Наконец, еле слышно выдавил из себя:

— Господин полковник, могу ли я рассчитывать на ваше милосердие?

Мазепа мгновенно откликнулся:

— Стыдитесь, барон. Приговор себе вы подписали, когда доверились сладким посулам Стрельникова. Он ведь обещал вам блестящее будущее, достойное вашего титула. Не так ли? Чего же теперь слезами обливаться. Мы оба — офицеры и знаем: долг и честь превыше всего. Нарушившие эту пропись прощению не подлежат.

— Ваше высокоблагородие, я ... мне...

— Прекратите ныть, прапорщик, иначе я пристрелю вас тут же. Выполните то, что мы вас попросили, может, и получите отсрочку от призыва в отряд небожителей.

Дальше ехали молча. С Калетиным, скоро сменившим Мазепу, Райхенбах заговаривать просто боялся.

Подъехали к первому посту так называемого боевого охранения. Костёр пылает — за версту видно. Вокруг него приплясывает несколько человек. Чуть поодаль лошади, укрытые попонами, с мешками на мордах. За ними длинные плети заготовленных впрок лесин. Треск сгораемого дерева, искры снопами поднимаются в непроглядную темнотищу.

— Из саней ни шагу, — предупредил барона Мазепа. — Сами пусть подойдут. Или прикажите им, чтоб пропустили.

— Здесь помощник ротмистра Стрельникова, — закричал прапорщик. — Старшой, давай сюда.

Подбежал солдат с винтовкой, заглянул в возок.

— Не узнал, что ли, Бессонов?

— Признал, ваше благородие, езжайте.

Следующий пост миновали тоже без задержки. А вот у самого села случилась заминка. Кто такой Райхенбах, на заставе припомнить не могли и потому попросили седоков для начала представиться. Иринарх Гаврилович ступил на снег, протянул документы фельдфебелю. Покрутив их, служивый вскинул руку к казачьей шапке, но разрешения на проезд не дал:

— Велено всех, даже высших чинов, доставлять к ротмистру. Он здесь один решает, кого согнуть, кого разогнуть.

— Нас в Демьянском ждёт генерал Вержбицкий. Вы ответите за своё самоуправство.

— А меня жена обждалась в Саратове.

Мазепа растерянно посмотрел на Калетина. Тот незаметно сплюнул в ладонь и потёр несколько раз большой палец об указательный. «Мзду надо предложить», — догадался полковник и ухватил фельдфебеля под руку:

— Давай-ка отойдём, родимый.

Прошли за возок.

— Водка у вас есть? — первым и неожиданно задал вопрос начальник поста. — Мы полечимся, а вы не обеднеете.

— Коньяк имеется, шустовский. Две бутылки хватит?

— И табаку к нему, — добавил обирала.

На этом разошлись. Фельдфебель радостно засеменял к своим. Обернулся у коистра, захохотал:

— На северной окраине заставы уже на другой бок похмелились, езжайте спокойно к своему герру енералу.

Когда Панушкова осталась позади, Калетин остановил жеребца. Сказал Мазепе, что пора бы и попрощаться с временным попутчиком. Гнедко устал тащить этот аристократический студень. Райхенбаха попросили покинуть возок. Выпростался он на снег. Бледный стоял, глядел затравленно, бормотал что-то. Жалок был — лучше не смотреть! Но сани неожиданно для него стали вдруг удаляться, и барон... ожил. Под-

няв валяющийся в снегу треух и застегнув полушубок, он побежал. Двигал энергично руками, падал. Поднимался и бежал. И домишки — с седыми дымами над ними — становились всё ближе и ближе. «Поторопились вы меня высадить, господа, — радовался он. — Ей-богу, поторопились. Думали, околею на морозе. А вот и нет!»

Ворвавшись в хату, где в тепле постели обнимал молодую хозяйку Стрельников, барон бурно зарыдал:

— Они везли меня на казнь, но трусили, трусили и отпустили. Догоните их, ротмистр. Это ещё возможно! Мазепа там, сам Мазепа! На Демьянское они нацелились к генералу Вержбицкому.

Через полчаса на лёд реки вылетели две парные упряжки. В первой Стрельников со своими дюжими адъютантами, во второй — штабс-капитан Зыков, который Николай Андреевич, в компании отчаянных добровольцев. Свежие, хорошо накормленные лошади легко несли сани, и у сидящих в них не было никакого сомнения, что через какой-нибудь час беглецы будут достигнуты.

— На одной коняге им от нас не скрыться, — злорадно басил, заглядывая в глаза ротмистру известный на селе дебошир Куца. — Спымам их, лично отрежу обоим уши.

А прапорщик в это время, пересыпая речь жандармскими жаргонизмами, надоедал штабс-капитану своими тонкими и безошибочными, как ему казалось, наблюдениями, удостоверяющими его в коварстве и порочности Мазепы:

— Он, Николай Андреевич, имеет явные наклонности переметнуться к большевикам. Упустить такого злодея никак нельзя.

...Калетин заметил погоню совершенно случайно. Лёжа на шкурах, он в полудрёме вспомнил вдруг о задумке Николая. Решил проверить её практическую пользу. Перевернулся на живот, отстегнул кусок материи с щели-бойницы, просунул в неё руку с револьвером, прицелился... и поймал на мушку две движущиеся точки. Долго наблюдал и скоро убедился, что — да, появились эти мишени на реке неспроста. Крикнул о своей догадке полковнику. Тот остановил Гнедко. Достали карту. Всмотрелись. Иртыш отсюда, где они сейчас находились, начинал заворачиваться в протяжённую петлю, образуя таким образом несколько участков, которые давали возможность подолгу быть вне поля зрения того, кто ехал на значительном расстоянии сзади.

— Надо рискнуть, — предложил Болдырь. — Свернём вот сюда, на дорогу, спрямляющую путь. Пока они нас не видят, успеем много отмахать. Авось и оторвёмся.

Но Куца, хорошо знающий здешние места, о проходе хитром помнил, поэтому, разглядев его, сразу указал Стрельникову:

— Сворочайте сюда, ваше благородие, тут ездочная полоса налажена. Пушай генерал по реке елозит, а мы ему наперерез выскочим.

Мазепа, озирающий через щель околу, выругался, заметив, что преследователи снова появились на горизонте. «Теперь от них не уйти», — заключил тоскливо. Развязка неумолимо приближалась.

Калетин погонял жеребца и часто оглядывался, пытаясь не пропустить момент, когда равнинное пространство между ними и догоняющими сузится до пределов досягаемости винтовочной пули и бандиты начнут бить прицельно. Ещё пять минут гонки, десять, пятнадцать... «Н-но, вывози, родимый!» Григорий Платонович ощущал холод дульных зрачков, глядящих ему в спину, и невольно пригибался, показывая полковнику, чтобы тот не высовывался.

Впереди показалась горушка. Что за ней — неизвестно. Справа вроде зачернело что-то у горизонта. Похоже на лес.

«До него добраться всё равно не дадут. Настигнут, — подумал Мазепа и обратился к себе: — Решайся, Иринарх, чёрт бы тебя побрал, Гаврилович, не тяни. С возвышенности оно, да если ещё перекачаться поближе к дороге, пострелять можно отменно. В маузере четырнадцать патронов. Всех «зипунов» из саней, конечно, не вышибить, но это и ни к чему. Лошадок нужно на снег уложить. Без них им сильно не до нас станет. Ночь надвигается, морозец крепчает. От деревни, наверное, уже вёрст пятнадцать отмахали. Околеют они здесь без лошадей, разбойники».

Откинув полость, дотянулся рукой до плеча возницы:

— На горе попридержите сани, я сойду.

Григорий Платонович огрел кнутом Гнедко, повернул голову:

— Всё вижу. Вместе сойдём, полковник.

...Конь, мотая головой от напряжения, одолел измоину откоса. А сразу за ним обозначился обрыв оврага. Где он начинается, где заканчивается — не разобрать. Калетин натянул вожжи:

— Тп-р-р... приехали. Вот он, наш последний рубеж. Тащите вон туда медвежью подстилку и прикидайте себя снегом. Я здесь за повозкой укроюсь. Только давайте поменяемся оружием. Вы мне одолжите на время свой шпалер, из которого можно

всаживать пули в яблочко даже за сто шагов, а вы получите пару излюбленных эсерами адских машинок, несколько, правда, усовершенствованных. Вам, пусть и запоздало, но представится возможность побывать в шкуре своих недавних контра, когда они ради достижения нужного результата сближались с жертвами на опасное для себя расстояние.

— Согласен. Давайте сюда ваши бомбы.

— Но прошу не спешить. Я начну стрелять, отвлеку их на себя. Рассчитайте по возможности точно и момент, и расстояние, тогда и метайте.

...Стрельников самонадеянно пренебрёг обязательным в военном деле правилом: не зная точно, где затаился противник, воздержись от наступления.

— С ходу заскакиваем на гору и открываем огонь, — приказал он своим бородатым адъютантам. — Полковника брать живым. Вперёд, молодцы!

Что было дальше — не очень интересно, но рассказать всё-таки надо. Как только лошади бандитов полностью показали над укосом, Калетин двумя выстрелами прервал их бег, а Мазепа с метров, наверное, двадцати, не выдержав внутреннего напряжения, швырнул одну за другой две начинённые картечью гранаты. Одна взорвалась близко у повозки, а вот другая пролетела дальше, и осколки её достигли саней, за которыми прятался Болдырь. Левая его рука повисла плетью. Полковник меж тем заметил уползающего вниз панушковского головореза Куща. Тот стонал и оставлял за собой кровавый след. Иринарх Гаврилович для удобства положил револьвер на локоть и послал в грозившегося отрезать ему уши бандита две пули. Побежал затем к Калетину. Тут и услышал, как эхо разнесло над снеговым безмолвьем заполошный крик барона: «На-з-ад-ад-ад!» Оглянулся: взвихривая снег, внизу — к Панушковой, к чёртовой матери подалее от стрельбы и крови — неслись сани, на днище которых вжались в солому штабс-капитан Зыков и несостоявшийся лирический тенор Райхенбах.

Полковник перевязал Калетина, уложил в возок, накрыл шубами. Подумав, пошёл к опрокинутым взрывом саням. В одном из лежащих подле них узнал Стрельникова — спутанные, уже примёрзшие ко льду волосы, вытекший глаз. Прикрыл папахой лицо убиенного и опустился рядом на снег.

«Эх, Олег Парамонович, — подумал мрачно, — душонка твоя подлая. Прислали тебя сюда искать убийц святителя Гермогена, а ты, копыто дьявола, вместо этого неугодным Богу промыслом занялся — грабежом и разбоем. Нет тебе прощенья».

Пошёл, тяжело волоча ноги, к своему возку. Заглянул под полость, послушал дыхание раненого и стегнул Гнедко:

— Напрягись, родимый, немного осталось...

Снова потянулись ледяные вёрсты. Одна, вторая, десятая. Скрип полозьев, заиндевелая метёлка хвоста мечется перед глазами. В сон клонит — не уснуть бы. Но вот, наконец, церковь на горушке показалась. Мазепа обрадованно остановил коня, огляделся.

«Не соврал Дедюхин, — вспомнил соратника. — Теперь уж точно живыми останемся».